

На правах рукописи

Мухиддинова Тахмина Хамрокуловна

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ
ПОВЕРИЙ И ТРАДИЦИЙ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ СООТВЕТСТВИЙ В АНГЛИЙСКОМ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук**

Душанбе – 2022

**Работа выполнена на общеуниверситетской кафедре английского
языка Таджикского национального университета**

Научный консультант: **Джамшедов Парвонахон**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана

Официальные оппоненты: **Джаматов Самиддин Салохиддинович**, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни

Турсунов Фаёзджон Мелибоевич, доктор филологических наук, доцент кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского государственного института языков им. Сотима Улугзода

Офаридаев Назри, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела памирских языков Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана

Ведущая организация: Худжандский государственный университет им. академика Б.Гафурова

Защита диссертации состоится 18 октября 2022 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 047.004.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана по адресу: **734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, проспект Рудаки, 21.**

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана (**734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, проспект Рудаки, 21**): <http://www.iza.tj>)

Автореферат разослан «_____» _____ 2022г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук**

Мурувватиён Дж. Дж.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение истории любого народа и ознакомление с ней происходит прежде всего через язык, так как язык сохраняет следы прошлого, включая различные этапы развития природы и общества. Он сохраняет идеи предыдущих поколений, и, анализируя современный язык, можно многое узнать о том, как жили наши предки, как они видели мир. В этой связи можно утверждать, что язык выражает то, что необходимо его носителям. Такое явление языка является важным фактором при его исследовании. Лексика является зеркалом окружающего человека мира и адаптирует видение мира к потребностям человека. Проанализировав лексику того или иного языка, можно составить мнение о культуре людей, пользующихся этим языком. Язык обладает всеми средствами для выражения значений, необходимых данной языковой общности.

В последние десятилетия появилось множество так называемых пограничных областей знания. Можно сказать, что возникновение "дисциплин на стыке" является характерной чертой как гуманитарной, так и естественнонаучной составляющих современной науки. Пограничные области знания используют термины, язык и аппарат двух или более традиционных наук одновременно. Такой дисциплиной является также этнолингвистика, которая находится на стыке лингвистики и этнологии. Подобные исследования часто скрываются под другими названиями: "антропологическая лингвистика", «язык и культура», «язык в культуре» [Перехвальская, 2015:12].

Данная диссертационная работа посвящена этнолингвистическому исследованию лексики поверий и традиций таджикского языка и ее соответствий в английском языке.

Актуальность темы заключается в том, что национально-культурная идентичность, содержащаяся в семантике лексики народных поверий и традиций, в лингвистических и этнолингвистических терминах таджикского и английского языков в сопоставительном аспекте до сих пор недостаточно изучена. Это тем более важно, что при изучении и анализе двух и более языковых систем, выявлении общих точек сходства и различий не только на лингвистическом, но и на этнолингвистическом, культурно-историческом уровне можно получить обширную и углубленную информацию о языке. Знания, хранящиеся в языке, более сложны и имеют многослойную структуру, они имеют не только лингвистическую ценность, но и дают богатую информацию о жизни людей, о том, как они мыслят.

Определение языковой и этнокультурной специфики поверий и традиций таджикского народа дает возможность уяснить, какие именно ценности являются наиболее важными для носителей таджикского языка, воссоздать фрагменты национальной этноязыковой картины мира. Такой подход позволяет, во-первых, подтвердить научную значимость исследования народных поверий и традиций с точки зрения этнолингвистики и культурологии, где в центре внимания находится человек, его сознание, мышление, духовно-практическая деятельность, а во-вторых, рассмотреть их как лингвистическое явление.

Таким образом актуальность темы исследования обусловлена тем, что она охватывает вопросы взаимодействия языка и культуры и, вместе с тем, отражает современную парадигму взаимодействия лингвистики со смежными науками (этнолингвистика, этнография, фольклористика и т.д.).

Степень научной разработанности проблемы. Лингвистическое и этнолингвистическое изучение поверий и традиций и их соответствий в английском языке можно отнести актуальному направлению в современном языкознании.

На современном этапе развития языка этнолингвистический подход к изучению языка сквозь призму духовной культуры его носителей наблюдается лишь в немногих работах. Изучение лексики поверий и традиций в лингвистических словарях таджикского и английского языков, в фольклорных текстах, произведениях художественной литературы показывает, что в них наиболее отчетливо сохраняются такие фрагменты мировоззрения, как традиции, обычаи и образ жизни народа. Исследования, так или иначе связанные с лингвистическим и этнолингвистическим направлением в языкознании, были проведены такими известными зарубежными исследователями, как Е.В.Постовалова, Е.С.Яковлева, Б.А.Серебренников, Ю.С.Степанов, Э.Сепир, Б.Уорф, Дж.Локк, Г.Лейбниц, Э.Кондильяк; таджикскими учёными Ш.Исмоиловым, М.Мухаммадиевым, Г.Джураевым, А.Мирбобоевым, М.Аламшоевым, В.Капрановым, Т.Зехни, Х.Маджидовым, Д.Саймиддиновым, С.Назарода, М.Султоновым, Д.Азизода, Д.Карамшоевым, Н.Н.Негматовым, П.Джамшедовым и многими другими. Изучению особенностей ритуалов и их языковой специфики посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых – Н.А.Кислякова, А.А.Сухаревой, М.С.Андреева, А.К.Писарчик, В.М.Костромичева, Б.Х.Кармышева, Н.Н.Ершова, Р.Л.Неменовой, М.А.Хамиджановой, З.Юсуфбековой, А.А.Бобринского, Е.М.Пещеревой, М.Р.Рахимова, Х.Г.Ишанкулова, Ф.Зехниевой, Т. Ёрова, А.Мардонова и др. По вопросам этнолингвистики, фольклористики и диалектологии нами были изучены теоретические концепции работ таких ученых, как Н.И.Толстой, М.А.Бородин, С.М.Толстой, А.З.Розенфельд, Л.В.Успенская, В.С.Расторгуева, Л.В. Джилилов, Р.Гаффоров, Т.Максудов, М.Махмудов, М.Эшниязов, Г.Д.Джураев, Н.Гиясов, О. Махмаджонов, Д. Рахмони, Р. Рахмони и других.

В работах отечественных ученых вопросы этнолингвистического описания лексики таджикского языка, в том числе лексики поверий и традиций, в контексте проблем взаимодействия языка и мышления, познания способов категоризации и концептуализации внеязыковой действительности представителями таджикской лингвокультуры, тем более в сопоставительном срезе, практически не затрагивались. Так, в диссертационном исследовании М.Назарова «Лингвокультурные особенности примет в южном говоре таджикского языка (на материале кулябских диалектов)» дается лексико-семантическая характеристика таджикской лексики *бовар – поверье*, прослеживается история появления примет и их эволюция, изучается их структурная специфика [Назаров, 2015].

Лингвистическому анализу этнографической лексики язгулямского языка – одного из бесписьменных памирских языков – специфики его традиционной терминологии, отражающей сложившиеся в течение многих столетий формы жизненного уклада, посвящена диссертационная работа И.Рахимова «Язгулямская этнографическая лексика в историческом освещении» [Рахимов, 1992]. Исследуя этнолингвистическую реальность, картину мира носителей языка, автор обуславливает её особенности доминантами, категориями и параметрами в целом универсальными, но в частных деталях своей реализации имеющими идиоэтнический характер.

Объектом научного рассмотрения в диссертации А.М.Алиева «Язгулямская фразеология: структурная и семантическая характеристика» [Алиев, 1999] явились основные содержательные группы фразеологии язгулямского языка, отражающие различные стороны жизни носителей этого языка: природные условия, детали быта, семейные отношения, названия животных, частей тела и т.д.

Научная ценность работы заключается как в выделении фразеологии в самостоятельную область изучения язгулямского языка, так и в разработке ряда разделов лексикологии не только язгулямского, но и других памирских языков для дальнейшего изучения ареальных контактов языков региона. Можно также назвать диссертационную работу Б.П.Алиева «Ягнобская этнографическая лексика» [1998], в которой впервые предпринимается попытка осуществить этнолингвистический анализ различных групп этнографической лексики ягнобского языка и проследить пути её становления и развития.

Следует отметить, что в таджикской лингвистике наблюдается стремление ограничить исследование частными вопросами или несколькими лексическими единицами или какой-либо лексико-семантической группой слов, являющихся значимыми в культуре таджикского народа как на уровне быта, так и в осознании окружающей действительности, реализуясь в устном народном творчестве и литературе, в процессах проведения различных обычаев, традиций и праздников. К примеру, в диссертационном труде Х.Х.Мирзоева «Лексико-семантическое поле *horse/acn* в английском и таджикском языке» [Мирзоев, 2014] внимание автора сосредоточено на способах вербализации понятийной категории «лошадь» и функционировании её компонентов в лингвокультуре таджикского и английского народов. Обзор существующей на сегодняшний день научной литературы, так или иначе касающейся проблематики нашего исследования, показал, что этнолингвистический и культурологический аспекты изучения поверий и примет, тесно связанные с вопросами традиций и обрядов таджикского народа и языковой реализации рассматриваемых явлений, в целом монографическом плане, а главное – в сопоставительном срезе, все еще не затрагивался.

Таким образом, неизученность лексики народных поверий и традиций и в то же время востребованность такого изыскания, обусловленная как его лингвистической значимостью, так и общекультурной ценностью, подтверждает актуальность данной диссертационной работы.

Цель и задачи диссертационного исследования. Основной целью исследования является выявление символических значений лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках, соединяющих в себе компоненты духовной и материальной культуры.

Для достижения этой цели определены и решены следующие **задачи**:

- научно-теоретически обосновать актуальность проблемы поверий и традиций в таджикском и английском языках в этнолингвистическом аспекте;
- провести лексикографический анализ ключевых слов лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках на материале толковых, этимологических, фразеологических, синонимических словарей таджикского и английского языков;
- классифицировать лексику поверий и традиций по основным этнолингвистическим темам с учетом экстралингвистических и интралингвистических факторов;
- дать лингвокультурологическое описание лексических микросистем, репрезентирующих понятие поверий и традиций, выявление семантики исследуемых лексических единиц с учетом специфики отражения картины мира средствами номинации;
- провести анализ суеверных представлений и мифологических ассоциаций, составляющих этнокультурный фон мифологической лексики таджикского и английского языков;
- дать характеристику обрядовых комплексов (свадебных, похоронных, праздничных и др.), бытующих среди носителей таджикского и английского языков с точки зрения их лингвокультурологического потенциала и отражения языковой картины мира;
- определить способы словообразования лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках.

Объектом исследования является лексика поверий и традиций в таджикском языке и её соответствия в английском языке в этнолингвистическом плане как способ видения внеязыковой действительности.

Предмет исследования – этнолингвистическая, семантическая и словообразовательная специфика лексики поверий и традиций таджикского языка и их соответствий в английском языке.

Материалом исследования послужили данные толковых, переводных, фразеологических, энциклопедических, лингвокультурологических и других словарей таджикского и английского языков, а также ресурсы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Британского национального корпуса (BNC), Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ), подборка художественных текстов XIX-XXI вв. Исследование лингво- и этнолингвистических параметров паремий таджикского и английского языков проведено на основе трудов Я.И.Калонтарова «Таджикские пословицы в аналогии с русскими», «Мудрость трёх народов» («Панду хикмати се

халк»), М.Фозилова «Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ» и других источников.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые лексика поверий и традиций таджикского языка и их соответствий в английском языке в этнолингвистическом плане стала предметом специального лингвистического исследования. В диссертации впервые выявлены этнолингвистические, лексико-семантические и словообразовательные особенности слов, выражающих поверья и традиции, определено место данного лексического пласта в иерархических отношениях семантической структуры лексической системы сравниваемых языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что рассмотрение лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках способствует развитию этнолингвистических принципов изучения языковых единиц с учетом экстралингвистических факторов. Исследование сходств и различий данной лексики, интерпретация богатых языковых фактов, репрезентирующих данный феномен, вносит вклад в установление их значения для развития теории этнолингвистики, в решение проблем взаимодополнения и обогащения таких наук, как этнолингвистика, сопоставительная лингвистика и культурология. Также значимость исследования заключается в углублении наших представлений о способах категоризации и концептуализации внеязыковой действительности представителями таджикской и английской лингвокультур.

Практическая ценность исследования основана на том, что его выводы и материалы могут быть использованы при чтении лекций по языкознанию, этнолингвистике, словообразованию, специальных курсов и специальных семинаров по теории языкознания и этнолингвистике, при составлении лексических словарей, в том числе толкового словаря этнографической лексики таджикского языка и двуязычного словаря этнографической терминологии таджикского и английского языков.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологической базой исследования послужили труды лингвистов, посвященные вопросам этнолингвистики, лингвокультурологии, лексической семантики, когнитологии, этнографии, фольклористики и др. смежных наук (Е.С.Кубрякова, А.А.Реформатский, О.Потебня, В. Фон Гумбольдт, Ж.Бодуэн де Куртенэ, В.А.Абаев, А.Вежицкая, З.Д.Попова, И.А.Стернин, В.Г.Гак, Ю.С.Степанов, А.С.Герд, И.Г.Гердер, Н.И.Толстой, С.М.Толстая, И.М.Стеблин-Каменский, Л.Г.Герценберг, В.С.Расторгуева, Ш.Балли, Э.Сепир, Б.Л.Уорф, Э.Бенвенист, А.Л.Хромов, Д.Саймиддинов, Д.М.Искандарова, Г.Джураев, И.Рахимов, С.В.Хушенева, А.Мирбобоев, Б.Алиев, Н.И.Каримова, М.Б.Давлатмирова и др.).

Общенаучными методами исследования являются методы наблюдения, сравнительно-сопоставительный, описательный методы.

В основу реферируемой работы положен этнолингвистический метод интерпретации материала. В необходимых случаях в процессе исследования при-

влекались методы словарных дефиниций, компонентного и контекстуального, историко-этимологического анализа.

Основные положения, выносимые на защиту:

- народные приметы и традиции носителей таджикского и английского языков выражают стереотипы их представлений и нормы поведения, принятые в данных социумах. Они формируют важный сегмент культуры своих сообществ, обладая существенным лингвокультурологическим потенциалом и представляя собой надежный источник для проведения исследований в области лингвокультурологии, этнолингвистики, этнографии и т.д.;

- картины мира таджикского и английского народов, представленные в лексиконе поверий и традиций, имеют свою специфическую структуру. Их особенности обусловлены доминантами, категориями и параметрами, универсальными в общем, но идиоэтническими в частных деталях своей реализации. Последнее можно объяснить ментальными различиями лингвокультур, которые и определили особенности восприятия одного и того же реального мира носителями таджикского и английского языков;

- являясь системно организованным явлением, лексика поверий и традиций, реализуется в языковом коллективе на парадигматическом и синтагматическом уровнях, что позволяет выделить не только ее лингвистическое содержание, но и культурно-понятийный компонент семантики, то есть ее экстралингвистическое содержание;

- арсенал средств выражения национально-культурной специфики лексики поверий и традиций значительно шире в таджикской языковой картине мира в отличие от английской;

- сходства и различия в традициях народных и религиозных праздников таджикского и английского народов обусловлены различиями географии их обитания, религиозных верований, фоновых культурных знаний, исторического пути. Так, структура и семантические особенности английской лексики поверий и традиций во многом объясняются в большей степени влиянием церкви, а также культурными связями, с другими европейскими народами. Лексика праздничных обрядов таджиков объединяет в себе как древнейший пласт общекультурной лексики, которая восходит к доисламским временам, к фольклорной обрядовой культуре, так и религиозные термины, вошедшие в таджикский язык с принятием ислама;

- система наименований персонажей таджикской мифологии состоит из множества разнородных понятий, среди которых можно выделить доминантные лексемы, обладающие положительными и отрицательными характеристиками, имеющие обширные ареалы распространения на территории иранского мира и наиболее часто упоминаемые в мифологическом контексте;

- свадебные обрядовые термины обладают повышенной информативностью, поскольку охватывают все аспекты внутриобрядового процесса. Семантическая наполненность лексем, репрезентирующих свадебные ритуалы, сви-

детельствуют, что данная лексическая микросистема не является однородным образованием. В ней присутствует множество лексико-фразеологических групп, таких как названия обрядов и ритуалов, их участников и исполнителей, обрядовых предметов и реалий, компонентов одежды и кулинарных предпочтений и т.д.;

- тематические доминанты в семантическом поле «животный мир» в сопоставляемых языках не всегда совпадают, что можно объяснить не только степенью участия представителей животного мира в хозяйственной деятельности человека, но и их ценностей характеристикой и значением в жизни людей, в том числе религиозными представлениями об их влиянии на судьбу человека;

- в пределах лексических систем таджикского и английского языков, репрезентирующих поверья и традиции, функционируют основные способы образования новых слов. На лексическом уровне они образуются аффиксальными и корневыми морфемами, словосложением, конверсией и др. В образовании данного сегмента лексики сопоставляемых языков участвуют различные лексико-грамматические классы слов, однако особой активностью отличаются имена существительные, которые представлены во всех лексико-семантических группах слов, составляющих корпус лексики поверий и традиций;

- выявление сходства и различия между таджикскими и английскими поверьями и традициями, также, как и исследование лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках, представляет большой интерес с точки зрения использования в контексте, хранения и передачи их из поколения в поколение.

Достоверность результатов исследования и апробация работы. Достоверность полученных результатов обеспечивается обоснованностью исходных методологических позиций, использованием методов и приемов исследования, соответствующих конкретным задачам, согласованностью выдвинутых автором теоретических положений и данных языка, доступностью и объемом исследования. Основные положения, результаты и выводы проведенного исследования представлялись в докладах автора на научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университета (2012-2021 гг.), на международных научно-теоретических конференциях, ежегодных заседаниях круглого стола (Научный поиск в современном мире. Махачкала, 2017; Проблемы сопоставительного изучения и преподавания иностранных языков. Душанбе, 2015; Проблемы изучения сравнительной типологии языков (таджикский, английский, немецкий и французский). Душанбе, 2016; Актуальные проблемы терминологии разносистемных языков. Душанбе, 2017; Актуальные проблемы сравнительного языкознания в таджикском и английском языках. Душанбе, 2018; Проблемы изучения иностранных языков. Душанбе, 2019; Роль женщин в развитии науки. Душанбе, 2019).

По теме исследования опубликованы 31 работ, из них 2 монографии, 19 статей в журналах, входящих в обновленный реестр ВАК РФ, также 12 статей, вышедших по итогам участия в разных международных конференциях и круг-

лых столах. Издан Учебный словарь лексики **поверий и традиций** в таджикском, английском и русском языках для обеспечения процесса лингвокультурологического развития студентов.

Работа обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании общеуниверситетской кафедры английского языка и кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета (**протокол № 2 от 25 сентября 2021 г.**).

Объем и структура работы. В соответствии с поставленной целью и задачами диссертационное исследование состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, отражена её научная новизна и практическая значимость, сформулированы цели и задачи исследования, названы основные источники работы, перечислены предмет и методы исследования, а также основные положения, выносимые на защиту, описана структура диссертации.

В первой главе диссертации «**Теоретические обоснования исследования этнолингвистики в языкознании**», состоящей из 6 разделов, речь идет об этнолингвистике и лингвокультурологии как науках, проблеме взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры, понятии этнолингвистики, истории возникновения таджикской и зарубежной этнолингвистики, методах лингвокультурологии, дается определение поверий и предрассудков, суеверий и примет в лингвистике.

Раздел 1.1. «Понятие этнолингвистики. Этнолингвистика, язык и культура». Этнолингвистика – новая дисциплина, основной целью которой является изучение лексики в этнолингвистическом аспекте, создание языковой картины этнокультуры народов. Такие исследования открывают широкие возможности для изучения лексики обрядов, знакомства с их специфическими особенностями, связанными с различными факторами социальной жизни народа (браком, трауром, демонологией, сюжетом священных книг, с толкованием мирской и загробной жизни, антропологией).

С помощью этнолингвистики, то есть «дисциплины, изучающей язык через призму человеческого сознания, менталитета, повседневности и быта, ритуальное поведение, мифологические представления и мифопоэтическое творчество» [Перехвальская, 2015:5], осуществляется комплексный подход к изучению культуры.

А.С.Герд в книге "Введение в этнолингвистику" определяет её следующим образом: "Предметом этнолингвистики является язык в его отношении к этносу, место и роль языка в обществе" [Герд, 2001:3].

По мнению А.С.Герда, этнолингвистика – это дисциплина, лежащая на стыке лингвистики, этнографии и социологии. Предмет лингвистики – естественный язык, его структура и законы; предмет этнографии – народы, их исто-

рия и культура, предмет социологии – общество в целом, его структура и развитие.

Таким образом в основе этнолингвистических исследований лежит установление соотношения и связи языка и духовной культуры этноса. Вместе с тем, на первый план выдвигается именно язык как способ познания внешнего мира.

Необходимость проведения комплексного этнолингвистического исследования поверий и традиций обусловлена специфическими особенностями фактического материала, в словесной форме передающего их содержание.

В разделе 1.2. «Картина мира, языковая модель мира» даётся определение языка как явления культуры, обосновывается, что его описание с этой точки зрения требует внимания к особенностям национального менталитета и его отражению в языке в фразеологическом, речевом, этическом представлении, характере рассуждений носителя того или иного культурного явления.

Следует сказать, что, отражая идеальный образ внешнего мира, картина мира в то же время содержит объективную информацию о мире и обо всем, что к нему относится, и считается основой для понимания ценностей реальной жизни. Языковая национальная картина мира представляет собой источник сведений о национальном мировоззрении. Данное общекультурное явление зародилось в результате многовекового опыта познания человеком реалии действительности.

Картина мира любого народа имеет свою особенную структуру. Её специфика обусловлена доминантами, категориями и параметрами, универсальными в целом, но отличительными в нюансах и частных моментах своей реализации.

В картине мира проецируется мироощущение этноса, его взгляды на окружающую действительность, её стереотипное восприятие, причем этот процесс обусловлен формами традиционной жизни народа, его менталитетом. “То, что называют “картиной мира”, - совокупность этнопсихологических явлений, культуры в этнографическом смысле этого слова, репрезентируемых в языке и посредством языка, а также представленных невербальными средствами передачи информации” [Рахимов, 1992:36].

В разделе 1.3. «Развитие и становление таджикской лингвокультурологии» рассматриваются исследования русских и таджикских учёных, которые содержат богатую информацию по этнографии древних таджиков и дают возможность выявить причины и истоки некоторых сохранившихся в таджикском социуме поверий и традиций.

Становление таджикской лингвокультурологии и этнолингвистики тесно связано с именами таких учёных, как М.С.Андреев, В.С.Расторгуева, Дж.И.Эдельман, А.К.Писарчик, Д.Саймиддинов, Н.Шакармамадов, Г.Ризвоншоева и др.

В работе М.И.Хасановой "Обрядовая лексика свадебного обряда в худжандском диалекте" (этнолингвистический аспект) [Хасанова, 2010] иссле-

дуются семантические особенности лексики свадебного обряда. В пяти разделах работы описываются этапы свадебного обряда и лексика, связанная с этим обрядом. В работе З.О.Назаровой "Этнолингвистический анализ лексики, связанной со свадебным обрядом" (на материале памирских языков) [Назарова, 2015] рассматривается лексика свадебных обрядов в памирских языках.

Исследование М.С.Джураева "Обычаи и обряды мельников северного Таджикистана" [Джураев, 2016] содержит богатый этнографический материал, собранный в ходе полевых исследований, проведенных в различных районах Согдийской области Республики Таджикистан. Автором было собрано множество сведений, связанных с обрядами и культами мельников.

О.Х.Касимов в своём труде "Лексика "Шахнаме" Абулкосима Фирдоуси" рассматривает лексические единицы, обозначающие животных и растения в "Шахнаме" [Касимов, 2011], которые используются в различных ситуациях, направленных на функционально-эстетическое описание природы и окружающей среды, церемонии инаугурации шахов, жертвенных ритуалов и сакрального (похоронного) процесса, описание достоинств царских дворцов, ритуалов приготовления и приема пищи, лечения, процесс подготовки и осуществления царской охоты и многие другие явления индивидуальной и общественной жизни в историческом процессе.

Рассмотренные труды, посвященные лингвокультурологической лексике и концептам, свидетельствуют, что в последние десятилетия в таджикском языкознании наблюдается активизация исследований в области концептологии как предмета изучения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (Д.М.Искандарова, М.Б.Давлатмирова, Н.И.Каримова, И.Будна, З.Гулова, З.Мирзоева, М.Мамедова, А.Пак, Х.Курбонова, М.Имомзода и др.).

Раздел 1.4. «Об истории возникновения зарубежной этнолингвистики». Отмечается, что термин «этнолингвистика» в англоязычной лингвистической литературе широко не используется. Вместо него привлекаются понятия «антропологическая лингвистика» и «лингвистическая антропология», каждая из которых имеет свою исследовательскую программу.

Этнолингвистика изучает связь языка с культурой и этнической общностью, насколько язык формирует мышление этнических групп и насколько их мышление формирует язык. Основоположниками этнолингвистики являются западные исследователи Э.Сепир, Ф.Боас, Б.Уорф. Американский лингвист и этнолог Эдуард Сепир (1884-1934) впервые рассмотрел проблемы общего языкознания на примере языков американских индейцев и дал типологическую классификацию языков. Э.Сепир выдвинул гипотезу о влиянии языка на формирование человеческого восприятия мира (гипотеза Сепира-Уорфа), которая легла в основу этнолингвистики [Сепир, 1934:15]. Трудности, связанные с евроцентричностью исходных языковых установок исследователей, возникали как при установлении звукового состава индейских языков, так и при составлении словарей и при описании их грамматики. Поэтому с момента своего возникновения этнолингвистика описания, которые базировались бы на универсальных свойствах челове-

ских языков, адекватно отражали бы сходства и различия языков разных типов и представляли бы их данные в сопоставимой форме. Этим объясняется интерес этнолингвистики к вопросам о том, в какой мере языковая способность человека является врожденной и универсальной, в какой мере она является отражением и воплощением конкретной культурной реальности.

Исследование этнокультурных характеристик, фиксированных в языке, помогает определить, что между языком и культурой существует огромная связь, поскольку культура определяется языком. Анализ теоретических концепций западных работ по этнолингвистике, исследовавших предмет лингвокультурологии и этнолингвистики, позволяет сделать вывод о том, что этнолингвистика – это наука, которая изучает язык и речь, взаимосвязь языка и культуры и имеет междисциплинарный характер.

Раздел 1.5. «Понятие о поверьях и предрассудках, суевериях и приметах в лингвистике». Вера в сверхъестественное лежит в основе всех религий и суеверий. Иными словами, истоками всех современных религий были одни и те же представления о мире, которые породили поверья и предрассудки, сохранившиеся до наших дней. Поверья были первыми шагами к религии как системе определенных взглядов на мир.

В Русско-таджикском словаре под редакцией А.П.Дехоти и Н.Н.Ершова суеверие имеет следующее значение: *суеверие – хурофот, мавхумот. Суеверный – хурофотчи, хурофотпараст, мавхумпараст. Поверье – хурофот, ақидаи хурофотӣ* [Дехоти, Ершов, 1949:498]. Слово *традиция* переводится как существительное – *анъана, урфу одати аз падару бобоён мондагӣ, чизи одатиуда* [Дехоти, Ершов, 1949:96].

Народные поверья и приметы, являясь одним из древнейших жанров поговорок, отражают знания и представления обыденного сознания носителей языка о природных условиях существования человека. Приметы, как правило, фиксируют скрытую связь между природными явлениями, свойствами объектов и событиями человеческой жизни и регулируют поведение человека в условиях риска или неопределенности. Суеверие понимается как суетная вера, то есть вера ненастоящая, пустая, основанная на потребности человеческой души в вере, и суеверие удовлетворяет эту потребность верой, исходящей из обрядов, ритуалов, традиций, из веры в нечто таинственное, потустороннее, потому что "метафорический язык загадок, примет и снов один и тот же" [Афанасьев 1986:340]. В целом, в рамках этнолингвистических и лингвокультурологических исследований поверья, приметы, предрассудки и суеверия рассматриваются как вербализованная оценочная интерпретация существующих в культуре народа стереотипных представлений о чем-либо. Их можно назвать своего рода трансляцией иррациональных компонентов обыденного сознания, в соответствии с которыми человек моделирует своё поведение.

Во второй главе «Лексико-семантическая характеристика номинативных единиц поверий и традиций в таджикском и английском языках», включающей 5 разделов, анализируется лексема «*Belief – бовар*» в английском

языке по данным British National corpus (Британского национального корпуса) и Национального корпуса таджикского языка. Рассматриваются отражение лексики поверий и традиций в мифологии, национально-культурная специфика её репрезентации в поговорках таджикского и английского языков и в таджикских и английских фразеологических единицах.

Раздел 2.1. «Классификация мифологической лексики таджикского языка». Таджикскому народу принадлежит богатое фольклорное наследие, важнейшим видом которого является мифология. В таджикском ритуально-мифологическом фольклоре на первый план выступают сюжеты, связанные с космогоническими преданиями и их образами, демонстрирующими сложную систему верований, обрядов, представлений древних иранцев. Лексику данного вида творчества народа можно разделить на две большие группы, основанные на иерархической структуре:

- первая группа включает в себя имена богов, полубогов и божеств, которые являются позитивными образами;
- вторая группа включает в себя имена демонов, дьяволов и духов. Они имеют негативную функцию и поэтому являются отрицательными образами.

Смысловые доминанты в семантическом поле «мифологические образы» распределены в следующем порядке:

- a) Микрополя лексических единиц, обозначающих имена бога, создателя и творца;
- b) Микрополя лексических единиц, обозначающих имена полубогов и божеств;
- c) ЛСГ, репрезентирующая отрицательные образы;
- d) ЛСГ, объединённые под общим значением отрицательных образов;
- e) Имена богинь, которые отражены в авестийском языке с точки зрения зороастризма.

Компонентами номинативного поля «*богар – поверье*» в таджикском языке являются следующие слова мифологического содержания: *Аждаҳор или Аждаҳо, Шайтон – Шайтан, Чинҳо – Джинны, Ол (Ал), Биби Се-Шамбе – Госпожа Вторник, Оҷуз – Оджуз, парӣ – пери, Аждаҳор – Ажи Дахака, Заҳҳоки морон – змеи, Шохи моро – змеиный царь, Симург – Симург, Аҳриман – Ахриман, Ормузд – Ормузд, Девҳо – Дэвы, Аҷина – Аджина и т.д.*

Творчество предков содержит ряд сюжетов, наполненных мистической символикой и мифологическими образами, с помощью которых они выражали свои мифологические, религиозные, а иногда и философские взгляды. Рассмотрены лишь некоторые из наиболее распространенных мифологических понятий, используемых на сегодняшний день как в литературном, так и в разговорном языке.

Мифологическое творчество предков таджикского народа издавна являлось объектом изучения иранской филологии. Следует особо отметить таких учёных, как В.В.Бартольд, А.Кристенсен, К.А.Иноземцев, Г.Нюберг, М.Софа, М.Монн и др.

Лексика поверий и традиций содержит разнообразную этнокультурную информацию, необходимую для формирования этнолингвистического сознания общества. Экспликаторами этнокультурной информации в работе выступают категории лексики поверий и традиций, представленные в исследуемой тематической группе. Категории, маркирующие веру как национальный элемент поверий и традиций, содержат в своей семантике пересекающиеся значения этно- и лингвокультурного характера.

Религиозная сфера представлена особыми разновидностями поверий и традиций, имеющими не только определенное функциональное назначение, но и семантическую специфику, заключающуюся в том, что лексический объем представленных терминов содержит семантические маркеры, указывающие на национальную и религиозную принадлежность того или иного народа.

В разделе 2.2. «Лексико-семантический анализ лексемы «belief – бовар – вера» в английском языке» лексема *belief* – *бовар* подвергается комплексному анализу по данным словарей английского языка и Британского национального корпуса.

В Англо-русском словаре [с.58] даётся следующее определение: *belief* [bɪ'li:f] 1) *вера; доверие*. 2) *мнение, убеждение*. 3) *вера, верование* Syn. *faith, trust, belief, confidence, credence, credit*.

Оксфордский толковый словарь английского языка [7] даёт следующее определение: *belief* – a strong feeling that something or somebody exists or is true; confidence that smth. /sb. is good or right; something that you believe, especially as part of your religion: religious/political beliefs. Syn: *conviction confidence persuasion trust credit urgings exhortations faith-creed confession religion opinion notion mind convincing*. Антонимы: *disbelief unbelief atheism distrust lack of faith integrity*.

(Вера – это сильное чувство, выражает, что кто-то или что-то существует, или является истинным; что-то, во что человек верит, особенно как часть религии).

В своём втором значении слово *belief* переводится как глагол *верить* (*бовар доштан ё (кардан) – рост ва мувофиқи ҳақиқат доништан (махсусан су-ханро); яқин хосил намудан – быть убеждённым, верить*).

Анализ показывает, что лексема «*belief*» отражает различные ключевые мифические и религиозные аспекты, которые находят свое отражение в номинативных единицах, вербализующих понятие «поверье» в английской языковой картине мира.

Таким образом, было выявлено, что данная лексема имеет следующие структуру и синонимы: ядром в английском языке является слово *belief* – *боварӣ, эътиқод* – *вера*; синонимами выступают слова: *trust* – *бовар* – *доверие*; *faith* – *боварӣ* – *верование убеждение*; *religion* – *дин, мазҳаб* – *религия*, *confidence* – *боварӣ* – *уверенность*; *conviction* – *боварӣ* – *убеждение, persuasion* – *боварӣ* – *убеждение, creed* – *мазҳаб* – *вероисповедание, exhortations* – *боварӣ* – *убеждение*.

Belief – *боварӣ* – *вера* – это знание и доверие; это факт сознания и бессознательного (интуитивная вера). В качестве феномена сознания вера выступает как идейная, мировоззренческая позиция принятия или непринятия (в этом случае говорят о неверии) определенных утверждений или поступков (как целесообразных, ценных, истинных, справедливых и т.п.) без предварительной фактической или логической проверки. Основанием для такого акта сознания является внутренняя субъективная уверенность, не нуждающаяся в доказательствах.

В разделе 2.3. “Лексико-семантический анализ лексемы *«бовар – belief – вера»* в таджикском языке» данная лексема рассматривается по данным Национального корпуса таджикского языка. Для сопоставительного исследования лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках наиболее ценным является выявление истории отдельных слов и целых лексико-семантических групп, используя сравнительно-историческую лексикографию языка. В этой связи нами была рассмотрена лексема *«бовар – belief – вера»* в «Англо-таджикском словаре» А.Мамадназарова (2011) [с.92], где понятие *belief – бовар – вера* переводится как существительное: 1) *ақида, эътиқод; имон*; 2) *итминон, эътимод*. В Таджикско-русском словаре под редакцией М.В.Рахими и Л.В.Успенской (1954) лексема *бовар* имеет следующее значение: *бовар кардан, (намудан), верить, доверять*. Выявлено, что данная лексема имеет следующие синонимы: *имон – вера, верование; боварӣ – доверие; қаноат – удовлетворение, эътимод – уверенность; қавл – обещание, дилтурӣ – уверенность; эътиқод – убеждение*.

В «Фарҳанги забони тоҷикӣ» 1969. ҷ. I. [с.188] слово *«Belief»* имеет следующее значение: *бовар – рост ва мувофиқи ҳақиқат пиндошта пазируфтан (маҳсусан суханро); яқин ҳосил намудан, боварӣ (Верить во что-либо, быть убеждённым, верить, вера)*

Нишон дода буд аз падар модараи,

Ҳамедиду дида набуд бовараи. (Фирдавӣ).

(Мать показала, то, что осталось от отца,

Не видел и не поверил).

Следует подчеркнуть, что частотность использования лексемы *бовар* в таджикском языке и в английском языке имеет некоторые расхождения. Так, в английском языке было обнаружено более 10248 вхождений, а в таджикском языке – около 5108 лексических единиц.

В разделе 2.4. «Отражение лексики поверий и традиций в английских фразеологических единицах» рассматриваются фразеологизмы отражающие поверья, обычаи, традиции народа. Фразеологизмы, связанные с лексемой «*дух, душа*»:

- to hate smb's guts; smb makes one bilious – душа не лежит; отвергнуть с порога

- *to breathe one's last* – *отдать Богу душу; отправиться к праотцам; отправиться в лучший мир* [Кунин, 1984:75].

Фразеологизмы, связанные с античной культурой и мифологией:

- *to gain (win) laurels, reap one's laurels* – *пожинать лавры, стяжать славу*. Данные фраземы связаны с особой символикой этого растения, которая приписывалась ему еще в античные времена: лавровый венок, как и ветвь лавра, со времен греко-римской древности считается символом славы и победы [Кунин, 1984:75].

Фразеологизмы, связанные с христианской традицией:

- *the golden calf* – *золотой (или золотой) телец, «власть денег, золота»*. Из библейского рассказа о тельце, сделанном из золота (*a molten calf*), которому, странствуя по пустыне, поклонялись евреи как богу [Кунин, 1984:75].

Фразеологизмы, связанные с флорой и фауной:

- *no flowers (by request)* – *означает намёк, что на похоронах цветы нежелательны*, просьба воздержаться от проявления видимых примет горя и скорби.

В разделе 2.5. «Фразеологические единицы, выражающие лексику поверий и традиций в таджикском языке» рассматриваются устойчивые обороты народного языка, которые имеют различные структурные значения, модели и формы: *садақаи сар шудан (кардан)* – *стать жертвой за чью-то голову*. Имеется в виду обряд, когда в случае, если заболит кто-то из членов семьи, делают пожертвование. В фразеологизмах, выражающих обряды, приметы и поверья в таджикском языке, в качестве второго компонента используются названия животных, например: *саг барин мурдан* – *сдохнуть, как собака* (ср. собаке собачья смерть), *мисли ғўсфанд зери корди қассоб* – *истекать кровью (как свинья под ножом)*, *пашиа барин кушта шудан* – *умереть, как муха, умрут, как мухи*. Фразеологические выражения *ҷон додан* – *умереть, чашии пӯшидан* – *закрывать глаза* в значении *умирать, бандагиро ба ҷо овардан* – *отдать Богу душу, ба макони абади рафтан* – *перейти в вечную обитель, ба ҷаннат рафтан* – *попасть в рай, аз дунё рафтан* – *покинуть этот проходящий мир, аз олам ғузаистан* – *оставить этот мир...* и т.п. являются синонимами и используются для выражения значения *умереть, скончаться*.

Таким образом, изучение лексико-семантических пластов идиом позволяет выявить, что таджикские английские идиомы с точки зрения их лексико-семантических аспектов представляют собой культурную идентичность действительности и формируют языковую систему народов-носителей этих языков. Сходство между лексико-семантическими пластами поверий в таджикском и английском языках наблюдается в выражении фундаментальных ценностей как морального, так и прагматичного порядка. Различия касаются плана выражения и комбинаторики, степени их актуальности для этих культур.

В третьей главе «Этнолингвистическая интерпретация лексики обрядов и традиций в таджикском и английском языках», представленной 11 разделами и 8 параграфами, исследуется объемный пласт лексики, репрезентирующей особенности обрядов, обычаев и традиционных праздников в таджик-

ском и английском языках, в частности, лексика свадебных обрядов, погребальных и траурных церемоний, религиозных и национальных торжеств и др.

Раздел 3.1. «К истории изучения традиционных обрядов и обычаев таджикского народа». Обряды и традиции, благодаря которым по сей день сохраняются этический стереотип поведения, культурные и национальные отличительные особенности этноса, является важнейшей частью его жизни.

По данному вопросу существует довольно обширная литература, в которой прежде всего следует выделить монографию Н.А.Кислякова «Семья и брак у таджиков» [1959], послужившей толчком к появлению целого ряда заслуживающих внимания работ российских и таджикских этнографов. Наибольший интерес представляют исследования Н.П.Лобачевой, уделившей много внимания изучению этой темы [Лобачева, 1978]. Следует отметить также работу Н.Рахмоновой «Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских языках (на материале прецедентных текстов)» [Рахмонова, 2019], где рассматриваются такие понятия, как языковая картина мира и концепт, и предпринимается лингвокогнитивный подход к пониманию концепта *свадьба* на материале обрядовой культуры носителей таджикского и памирских языков. В работе З.Юсуфбековой «Семья и семейный быт шугнанцев. Конец XIX – начало XX» [Юсуфбекова, 2015] исследуется традиционный семейный быт шугнанцев в историко-этнографическом аспекте, выявляются ареалы отдельных семейных обрядов, характерных для шугнанцев и других таджиков, исследуются историко-культурные и этнические связи этих групп населения. На основе богатого этнографического материала проводится сопоставление полевых, литературных и архивных данных по традиционному семейному быту шугнанцев с опубликованными материалами о других припамирских и горных таджиках, что позволяет сделать вывод о его чрезвычайном разнообразии и в то же время значительным сходстве.

Таким образом, следует подчеркнуть, что обряды, обычаи и традиции, формируясь на протяжении веков, составили духовное наследие народа. Обычаи и традиции имеют социальную, религиозную, мифическую и природную основу. Они формируются и постепенно развиваются на разных исторических этапах. В ходе истории сфера влияния одних обычаев и традиций ограничена, в то время как другие, наоборот, приходят в упадок, изменяются или развиваются. Но нельзя отрицать, что большинство обычаев и традиций имеют глубокие исторические корни и являются культурным и духовным наследием народа, к которому они принадлежат. Ритуалы, обычаи и традиции глубоко укоренились в сознании народа и передаются из поколения в поколение. И именно лексика играет важную роль в сохранении понятий и терминов, обозначающих ритуальные и традиционные значения. Поэтому бережное отношение к народным традициям является историческим долгом каждого члена общества, а нарушение и пренебрежение ими приведет к культурному и духовному упадку. Вместе с тем, следует отметить, что в процессе развития общества и в связи с требова-

ниями времени возникает необходимость внесения изменений в народные обычаи и традиции.

В разделе 3.2. «Лексика обрядов свадьбы англичан» отмечается, что изучение лексики в этнолингвистическом аспекте открывает широкие возможности для изучения лексики обрядов, знакомства с их специфическими особенностями, связанными с различными факторами социальной жизни народа (браком, трауром, демонологией, сюжетом священных книг, с толкованием мирской и загробной жизни, антропологией).

В связи с этим изучение языковой культуры и богатства лексики обрядов свадеб может служить основой для исследования вопросов, связанных с этнографией, этнолингвистикой, диалектологией, фольклористикой, этимологией, историей языка и лексикологией.

В данном разделе рассматривается понятийный аппарат английской свадебной обрядности, которая имеет свою давнюю историю, и следует подчеркнуть, что англичане не очень строго относятся к своим древним традициям и обрядам. В церемонии обряда свадьбы у англичан и таджиков существует больше несходств, чем сходств. Один из самых древних обычаев англичан состоит в том, что на пути молодоженов ставится скамейка в знак того, что они должны вместе перепрыгнуть через неё и в совместной жизни пройти трудности вместе.

Когда невеста подходит к алтарю, идя справа от своего отца, она вместе с женихом приносит клятву верности и обменивается кольцами. Свадебная церемония и её процедура состоит из следующих этапов: *the bride's entrance with her father* – даромадани арӯс бо падараш – вход невесты с ее отцом; *Greeting* – дуруд, тахният, салом, хушомадгӯй, нешвоз – приветствие; *Anthem* – суруд гимн – гимн; *the sermon* – суханронӣ – проповедь; *exchange of marriage vows* – мубодилаи аҳди никоҳ – обмен брачными клятвами; *pray* – дуо – молитва; *marriage registration* – қайди никоҳ – регистрация брака; *a blessing* – дуои хайр, фотиҳа – благословение.

Лексика обрядов свадьбы англичан включает следующие слова: *the Marriage (service)* – маросими никоҳи калисо – венчание; *the Holy Matrimony* – маросими никоҳ – таинство брака, (первая часть обряда) обручение; *the Office of Crowning betrothed* – тоҷғузори кардан (вторая часть обряда, возложение венца – головного украшения в виде короны, которую шаферы держат над головами вступающих в церк. брак).

В разделе 3.3. «Лексика свадебных обрядов таджиков» отмечается, что свадебный лексический комплекс таджикского языка представляет собой ценный материал для сравнительно-исторического и этнографического исследования. Из всех социально-бытовых установлений, связанных с народной жизнью, свадьба выделяется богатством своего содержания. В словаре “Фарҳанги забони тоҷикӣ” слово «тӯй» – свадьба имеет следующее значение и синонимы: *ҷашн, ид, маросими хурсандӣ, ки ба муносибати тӯи аруси ва ғайра барпо мешавад* (торжество, праздник и радостные обря-

ды, посвящённые свадьбе). В Таджикско-русском словаре слово «туй» толкуется как свадьба, свадебное празднество; торжество; *туйи хатна* – торжество по случаю обрезания; *туйи арӯсӣ* – свадьба; *туйи додан* – а) устраивать свадьбу; б) устраивать празднество; *туйи фотиҳа додан* – устраивать угощение по случаю обручения; *туйи кардан* – справлять свадьбу; праздновать; *туйи шудан* разг. а) жениться; б) выйти замуж; *туйи заррин* – золотая свадьба [Таджикско-русский словарь, 2006:637]. Как известно, свадьбе предшествуют предварительные ритуалы, дошедшие с теми или иными изменениями до наших дней.

Лексика обряда «гаҳворабахш» – это процесс наречения (помолвки, обручения, просватывания) невесты в раннем ее возрасте. К лексике данного обряда относятся: *говорабахи (гаҳворабахи)* – сватовство с колыбели, *чилла* – сорокадневие, *хостгор* – сваха, *фотиҳа* – помолвка, *нонишканон* – разламывание хлеба. Когда рождается ребенок, родственники приходят в дом новорожденного. Того, кто первым известит о ребенке, одаривают подарками. Во время обряда посещения ребенка родственниками, который называется *рӯбинон*, делают подарки или дают деньги. Обряд укладывания новорожденного в колыбель *гаҳворабандон*. По этому поводу родители устраивают праздник, который так и называется «гаҳворабандон». Новорожденному дарят *гаҳвора* (колыбель), *гаҳворапушак*, которое сделано из красивой ткани – «*духоба*» (зимняя) и из белого отреза «*суфи сафед*» [Брагинский, 1956:261].

Лексику свадебной церемонии таджиков можно разделить на три этапа: лексика первого этапа свадебного обряда, лексика второго этапа свадьбы, традиция использования огня в обрядах таджикской свадьбы.

3.3.1. Лексика первого этапа свадебного обряда в таджикском языке.

В неё входят следующие термины: *калин* – выкуп за невесту, *калым*, *махр* – обеспечение женихом невесты, *тахта паскунон* – печенье лепешек в доме жениха; *қатхубур* – окончательное определение размеров калыма, *борбарон* – доставка калыма в дом невесты, *латтабарон* – отправка различных отрезов тканей для шитья платьев для невесты, *латта бурон* или *чок бурон* – кройка одежды [Таджикско-русский словарь, 2006:734].

Свадебные обряды начинались со сватовства. Часто *свахой* – *хостгор* бывала мать юноши (если у молодого человека не было в матери, сватать ходили отец и сестра или жена дяди по отцу). Родственники жениха, куда обязательно входят мать жениха и один *оксақол (аксакал)* – почтенный старик, приезжают в дом невесты для сватовства.

Подойдя к дому невесты и встав на пороге дома, мать жениха громко говорит: *Келин муборак. – Да будет благословенна невеста.* Ее угощали чаем и готовили *плов*, на который приглашали родственников, соседей, стариков, почетных лиц селения. Во время молитвы родители и родственники невесты разбрасывали сладости (сушеный тут, абрикосы, орехи) и приговаривали: *Омин, даҳони туйдора шишин кунад. – Аминь, да сделает (Аллах) сладкими уста устраивающего свадьбу (туй).* Обряд этот являлся официальной помолв-

кой и назывался *фотиҳа* (открытие начала – название 1-й суры Корана), или *нонишканон* – *разламывание хлеба (помолвка)*. Доверенными жениха и невесты обычно были дяди по отцу или по матери. Они в присутствии почтенных лиц официально договаривались о размерах *қалина – выкупа за невесту, қалини маҳр – обеспечения женихом невесты*. Обряд *нонишканон* устраивался вечером в *намози шом* – молитва тотчас после захода солнца.

3.3.2. Лексика второго этапа свадьбы в таджикском языке. Здесь анализируются термины свадебных ритуалов, репертуар которых чрезвычайно богат. К лексике второго этапа обряда свадьбы относятся: *туй* – *свадьба, оши палов* – *плов, чимилиқ* – *занавеска, гувоҳ, вакола* – *доверенные свидетели, пойандоз* – *полотнище материи, ширу равған* – *молоко со сливочным маслом, чимилиқ* – *занавес, за которым должна сидеть невеста и молодые во время свадьбы* [Таджикско-русский словарь, 2006:734]. Обычно занавеску к свадьбе не покупали, ее брали у кого-нибудь из зажиточных односельчан, а потом после свадьбы возвращали, вложив в неё лепешки и сушеные абрикосы.

Ваколоти гувоҳ – *доверенные свидетели*. Жениху и невесте обязательно давали пить *оби никоҳ* – *свадебную воду*. У двери как внутри, так и снаружи помещения расстилался *пойандоз* – *полотнище материи*, концы которой крепко держали дружки жениха. Жениху с невестой предлагали чашку *шири равған* – *молоко со сливочным маслом*. Перед дверью помещения, где находилась невеста, жених прыгал через костер из льняной соломы, как бы очищаясь огнем. На невесту накидывали *паранджси*. Жених, войдя в дом, останавливался перед занавеской и говорил: *Хуш омадид, нуридида, тоҷи сарам омадид. Добро пожаловать, свет очей моих, прибыли вы, венец головы моей* [Сухарева, 1920:54].

3.3.3. Лексика третьего этапа свадебного обряда в таджикском языке. К третьему этапу брачной церемонии относятся обряды: *рӯбинон, рӯқушод, рӯқушои духтар* – «*смотрение*» *лица, хона талбон* – *приглашение домой, ризона, ризоёна* – *согласие* и т.д. [Таджикско-русский словарь, 2006:734].

Рӯбинон – церемония, посвященная первому публичному знакомству невесты с семьей жениха после свадьбы – обряд получения подарков. Через некоторое время после начала совместной жизни молодых муж дарил в личную собственность жене несколько голов скота. Такой дар назывался *ризона, ризоёна* – *письменное согласие*.

3.3.4. Сватовство на таджикской свадьбе. Свадебный обряд *никоҳ* – мусульманская свадьба проводится за день до или после свадьбы в доме жениха. Согласно древним обычаям, жениха и невесту помещают по разные стороны "чодара – сюзане" (свадебной фаты, расшитой национальными узорами), где рядом с женихом сидит *мулло* (священник) и читает молитву. В языке пехлеви даётся несколько значений слова *никоҳ*: *асноди никоҳ, ахднома ва ё паймон*. В среднеперсидском языке употреблялся термин *раутап* – «*паймон-нома*». Происхождение этого термина связано с авестийским «*тау* – «*паймудан, андоза кардан*»».

Слова и словосочетания *ба занй пазируфтан ва ё ба никоҳ даромадан* употреблялись в пехлевийском языке одновременно. Эти примеры свидетельствуют о бытовании следующих словосочетаний: *pad zanih madan – pad zanih andar sudan* – «ба никоҳ даромадан»; *pad zanih padigriftan* – «ба зани пазируфтан»; *tan pad zanih dadan* – «тани худ бахшидан»; *pad soy be dadan* – «ба шавҳар додан»; *soy kardan* – «шуй кардан, шуй гирифтан»; *zan kardan* – «зан кардан, зан гирифтан». Вместе с тем они подтверждают, что данная традиция имеет древнейшие корни происхождения [Саймиддинов, 2001:242].

Заключительным этапом свадебных обрядов является медовый месяц молодоженов – *чилла*. Пара живет в родительском доме мужа сорок дней, а свекор и свекровь помогают молодой семье наладить новую жизнь.

Можно утверждать, что обрядовая лексика обладает богатой информативностью, всесторонне отражая все этапы свадебного процесса.

3.3.5. Традиция использования огня в обрядах свадьбы таджикского народа. Здесь отмечается, что обряд зажжения ритуального огня и обведения невесты (или обоих новобрачных) вокруг ритуального костра существует с давних времён [Рахимов, 2007:8].

Термин *аловгардон* произошёл от алов – «огонь», «костер», «пламя» и гардон – «обведение». Лексическая зона ритуала огня таджикского языка охватывает следующие лексические единицы: *анъана* – *обряд*, *фаранҷӣ* (фаранджи) – *паранджа (покрывало)*, *чимилик* – *свадебная занавеска*, *хазориспанд* – *рута, гармола (рута – Peganum harmala)*, *сӯзани* – *сюзане (расшитое равномерно по всему полю покрывало, набрасывавшееся сверху одеяла)*, *руйчо* – *простыня, окаймленная широкой вышивкой, идущей по краям, середина остается незаполненной*, *болинпӯш* – *покрывало на изголовье; орнамент, как и на сюзане, располагается равномерно по всему полю*, *джойнамоз* – *коврик для молитвы*, *кӯрпа* – *одеяла и кӯрпача*, *тюфячки*, *чойпӯш* – *простыня, (накидывается на подушки, специальная вышивка)*, *болинпӯш* – *болинпуш* и т.д.

Невеста – в длинном традиционном *фаранджи* (покрывало) из современной *парчовой ткани* с длинными ложными рукавами (откинутыми за спину) и лицевой занавеской. После паузы, длящейся несколько секунд, две женщины, приставленные к новобрачной, держа ее под руки, медленными шагами начинают водить ее вокруг огня. *Троекратный обход костра* выполняется против часовой стрелки. Все происходит бесшумно, словно они находятся во власти магической силы *огня*. Кажется, что смысл происходящего именно в этой тишине. От задумчивых выражений на лицах невесты и жениха возникает ощущение, что они не замечают друг друга и каждый делает круги поодиночке. В этом и заключается феномен огня: он склоняет человека к размышлению, как если бы он находился перед алтарем. Происходящее подчеркивает трепетное и почтительное отношение к блеску пламени костра, который зажигается на пути шлейфа невесты к дому жениха.

За воротами, где все это происходит, для невесты – новая линия бытия. Ее введут в комнату, предназначенную для новобрачных, помещают (в ожидании

прихода жениха) в *углу*, отделенном *чимилиқ* (свадебной занавеской). Все это знаменует ее расставание с родительским домом и переезд в дом будущего мужа, где ей уготовано освоение роли замужней женщины [Рахимов, 2007:12].

По наблюдениям Е.М.Пещеревой, в Каратаге, в ремесленных кругах, перед новобрачной при ее входе в помещение для молодоженов жгут *испанд*, *ҳазориспанд* – *рута*, *гармола* (кусочки дерева и сухой травы). Эти компоненты называются *чуби роха*, т.е. букв. «щепочка, сор с перекрестка» [Сухарева, 1920:6].

Таким образом тематическая группа «свадьба» в сопоставляемых языках является комплексным системно организованным образованием и представлена широким кругом лексем, отражающих различные аспекты обряда.

Раздел 3.4. «Лексика погребальных и траурных обрядов в таджикском и английском языках» состоит из трех параграфов.

3.4.1. Лексика обрядов обмывания и одевания тела, положения тела на погребальные носилки в таджикском языке. В данном параграфе анализируются лексемы, связанные с похоронными традициями, являющимися неотъемлемой частью культуры носителей таджикского языка. Проведенный анализ показывает, что в сопоставляемых языках существует множество лексических единиц, относящихся к лексике погребально-поминальных обрядов, сформировавшихся на самых ранних стадиях развития языка. Представленный материал наглядно показывает, что в народных традициях, которые являются частью культурно-исторического наследия народа, отражается ценностная картина мира народа, содержатся знания о внутреннем духовном и культурном мире человека. Изучаемая лексика включает в себя как общеупотребительные, так и диалектные слова. Лексические единицы, репрезентирующие понятие "традиция", свидетельствуют о том, что языковое сознание представителей лингвокультурного сообщества вербализует, прежде всего полезную информацию о верованиях и традициях.

Терминология погребальных и траурных элементов обряда у таджиков состоит из таджикских и арабских слов: *тадж. бемор* – больной, *араб. масчид* – мечеть, *араб. мазор* – мазар (священное место), *араб. васият* – завещание, *тадж. дуо* – молитва, *араб. ибодат* – поклонение, *араб. таҳорат* – омовение, *араб. қабр* – могила, *араб. тадж. қабристон* – кладбище, *тадж. лаҳад* – ниша в могиле, *тадж. ғуристон* – кладбище, *араб. тобут* – гроб, *араб. кафан* – саван, *араб. майит*, *тадж. мурда*, *ҷасад* – покойник, *араб. чаноза* – обряд погребения.

Как видно из приведенных примеров, с лексико-семантической точки зрения большинство из них относятся к арабскому языку и относительно ограниченное число – персидско-таджикскому.

Для обмывания покойного вызывают *мурдашуй* (*покиӯ*) – the deceased swiller – *обмыватель покойника*. Вокруг тела покойника устраивают своего рода *зикр* – *zeal* – *радение*.

Обычно шьют *кафан* – grave clothes – *саван* и обмывают покойника одни и те же лица, причем умершего обслуживают мужчины, а умершую –

женщины. Саван шьют из *карбос* – cotton cloth – *домотканой хлопчатобумажной ткани*, обязательно из совершенно новой материи, не бывшей в употреблении [Кисляков, 1959:81].

Саван для мужчин состоит из двух частей: 1) *чодири рӯ* – shroud – большого полотнища материи, заходящего за голову и ступни покойника, в которое заворачивают труп; 2) *курта* – jacket – *рубашка* – сшитого полотнища материи, длиной до колен, с отверстиями для головы и рук. Женщинам *синабанд* – *повязка на грудь* в виде сложенного с угла на угол платка, который завязывался углом кверху. Лицо тоже закрывают платком, сложенным с угла на угол, называемым *лачак*. Таджики шьют саван из *дока* – *белая кисея, суф* – *белая гладкая материя, карбос (тадж.)*, саван шьётся нитками, выдернутыми из той же материи.

Одетый в саван труп клали на *тобут* – специальные погребальные носилки. Вместе с тем несколько человек отправляются на *кладбище тадж. қабристон, ғуристон* – для подготовки могилы. Глубина могилы должна быть (согласно шариату) для мужчин до уровня пояса, а для женщин до уровня груди.

Затем покойного кладут в *тобут* – *гроб* и несут в *масчид* – *мечеть* для совершения обряда *чаноза* – *джаноза*. Перед тем как вынести гроб из дома, гроб с телом дымят сухой гармалой (трава известная как «хазориспанд» – *рута, гармала* – др. пер. *spanta* > *spand* > *ispand*//*sipand* – священный) [Крюков, 1997].

В *джанозе* принимают участие только мужчины, совершившие *тахорат*, тадж. ритуальное омовение. Обряд *джаноза* совершается халифом. Во время церемонии все молчат. После церемонии родственники и близкие поднимают гроб, идут на кладбище и предают тело земле. Если день погребения умершего совпадает с пятницей, то он считается счастливым человеком, так как умерший в этот благословенный день может встретиться с Аллахом и удостоиться чести увидеть его.

Среда считается несчастливym днем для погребения, так как, по народному поверью, мир был создан именно в этот день. Над могилой читаются суры из Корана *дуо* – *фотиҳа*.

Затем в течение сорока дней читается *Коран* (тадж. *хатми Куръон*) за упокой души умершего.

3.4.2. Лексика похоронного обряда в английском языке. Лексика похоронного обряда в английском языке отличается от терминологии таджикских ритуалов. В лексику погребальных и траурных обрядов входят: *burial* – *погребение*, *funeral* – *похороны*, *cremation* – *кремация*, *graveyard* – *кладбище*, *body* – *тело*, *ashes* – *прах*, *columbarium* – *колумбарии*, *burial* – *захоронение*, *morg* – *morgue*, *to embalm* – *бальзамировать*; при крематории *cemetery* – *кладбище*, *priest* – *священник*, *obituary* – *некролог*; *tradition* – *традиции*; *uncheerful* – *печальное событие*, *funeral agency* – похоронное агентство и др.

Когда в семье происходит печальное событие, родственники не занимаются *funeral* – *похоронами*. Они только оповещают своих близких и морально

готовятся к прощанию. Все организационные вопросы берут на себя ритуальные агентства, хотя это отнюдь не дешево даже по британским стандартам [Электронный ресурс].

После смерти ритуальные агенты сразу же увозят тело в *morg – morgue*, где его бальзамируют (to embalm), гримируют, одевают (to revet) Родственникам сообщают, когда прийти на прощание в *часовню (маленькая церковь для отдельных частных служб; в отличие от храма часовня не рассчитана на совершение литургии и потому не имеет алтаря)* при крематории или *cemetery – кладбище*.

На прощании *priest – священник* (лицо, состоящее при храме и совершающее все таинства в храме (литургия и др. общественные богослужения) и вне храма (по домам прихожан, на полях и водных вместилищах, везде, где требуется богослужебная молитва) читает проповедь, рассказывает о покойном, зачитывает его последнюю волю и *некролог – obituary*. Присутствующие одеваются в *black – черное*: мужчины в *rigorous – строгий костюм*, женщины – в закрытое платье.

После похорон устраивают *trapezu – dining table with meal* (стол с пищей). Скорее это просто обед или ужин, где гости общаются, делятся новостями. Трапеза проходит в заранее заказанном *restauran – ресторане* либо в доме семьи умершего. К столу подают легкие *beverage – напитки*. Англичане провожают своих близких в последний путь так же *moderate – сдержанно* и элегантно, как соблюдают другие *tradition – традиции*.

Раздел 3.5. «Лексика празднования Нового года и религиозных праздников в таджикском и английском языках». Корни праздника Навруз (Новый год) уходят далеко в историю, вплоть до 3000 лет до нашей эры. История Навруза, как указано в "Наврузнаме" ("Книге Навруза") Омара Хайяма, восходит ко временам древнейшего в мире персидского царства Пешдадидов [Хайям, 2010:54]. В произведении Омара Хайяма Новый год – Навруз описывается следующим образом:

*Чун абр ба Наврӯз рухи лола бишуст,
Бархезу ба чоми бода кун аҳд дуруст,
К-ин сабза имрӯз тамошогаҳи туст,
Фардо ҳама аз хоки ту бархоҳад руст.*

(Когда плачут весной облака – не грусти,

Прикажи себе чашу вина принести.

Травка эта, которая радует взоры,

Завтра будет из нашего праха расти) [Хайям, 2010:15].

В таджикском языке в лексику праздника Нового года входят: Наврӯз – Навруз, бузкашӣ – козлодрание, борьба силачей; бучулбозӣ, аргамчинбозӣ – прыгалка, ланкабозӣ, тухмзанақ, идгардақ «хафтсин» и «хафтишин», суманак (сумалак).

Особое внимание уделяется праздничному столу, приготовлению различных блюд, названия которых начинаются с букв "С" и "Ш". Как правило, накрываются 2 праздничных стола: "хафтсин" и "хафтшин". "Син" и "Шин" – это названия букв "с" и "ш" в персидском алфавите, а "хафт" означает *семь*. В зороастризме и исламе число 7 считается священным.

Символом Навруза является *суманак*, который считается священным блюдом. Поэтому, прежде чем приготовить его, повар читает суру, а именно "Ихлос", первую суру из Священного Корана. Суманак раздают всем соседям, родственникам, друзьям. Прежде чем попробовать его, нужно загадать три желания, которые могут исполниться в течение года.

В английских традициях празднуется *Рождество*, которое существенно отличается от таджикского *Навруза*.

В лексику рождественских традиций английского языка входят следующие понятия: *Christmas Day – Рождество (the period immediately before and after December 25 – период до и после 25 декабря)*, *Christmas tree – рождественское дерево*, *whitewood – ель*, *a beech – бук*, *witch – ведьма* и другие *evil – злые силы*, *branch – ветки*, *green tree – вечно зеленое дерево*, *whitewood – ель*, *paradise tree – райское дерево*, *church – церковь*, *Christmas tree – Рождественская ёлка*, *ghost – дух (ум, воля человеческая, стремление к небесному) или место, где обитал ghost – дух*, *beech – дерево познания (добра и зла)*, *thistle – чертополох, плющ и жимолость*, *the tree of knowledge – дерево познания и т.д.*

В *Christmas Day – Рождество (the period immediately before and after December 25 – период до и после 25 декабря)* устанавливают *Christmas tree – рождественское дерево*.

Считается, что предшественниками рождественской елки были *branch – ветки* фруктовых деревьев, которые ставили в домах в воду задолго до Рождества, чтобы они зацвели к празднику.

Пасха – the Passover – главный христианский праздник, в основе которого лежит евангельская легенда о чудесном воскресении Иисуса Христа, распятого на кресте.

Это подвижный праздник, который выпадает на разные даты каждого года; празднуется в первое воскресенье после полнолуния (после весеннего равноденствия) *Easter, (Holy) Pasch(a), Pasch day, Pasque God's Sunday* (вышедшее из употребления)

Подготовка к Пасхе начинается за семь недель до самого праздника. Это время Великого поста. Многие христиане в этот период не едят мяса и продуктов животного происхождения. Неделя перед Пасхой довольно насыщенная, потому что люди начинают основательно готовиться к празднику.

Традиции празднования Пасхи во всех странах разные. Четверг перед Пасхой называется Чистым четвергом. Традиционно в этот день люди должны искупаться до восхода солнца. Дома и квартиры тоже должны быть убраны. Есть еще Страстная пятница. В этот день хозяйки пекут пасхальный кулич под названием "паска" или "пасха". В субботу дети красят пасхальные яйца, кото-

рые называются "писанками". Вечером люди идут в церковь на пасхальную службу, которая длится всю ночь. Воскресенье – это день Пасхи. В этот день люди ходят друг к другу в гости и обмениваются разноцветными "писанками" [Большая пасхальная книга, 2016:11-20].

Следует добавить, что сходства и различия в традициях празднования Нового года таджиками и англичанами зависят от того, насколько различна была история этих двух народов, их фоновые культурные знания, насколько различны территории проживания. Так, структура и семантические особенности английской лексики во многом обусловлены влиянием церкви на английскую лингвокультуру, а также культурными связями с другими европейскими народами. Состав данного сегмента английской лексики пополнился за счет заимствований из латинского, немецкого и других языков и калькирований латинских названий основных христианских праздников. Лексика обряда празднования таджикского Нового года, представляя древнейший пласт общетаджикской лексики, восходит к доисламским временам, в связи с чем в ней преобладают лексические единицы, сформировавшиеся в процессе становления фольклорной обрядовой культуры.

В таджикской культуре праздник *Рамазон* – *Ramazān*, *Рамадан* – *Ramadhān* – (9-й месяц мусульманского лунного календаря; в *Рамазон* мусульмане, согласно Корану и шариату, обязаны соблюдать пост – *рӯза* – *fast(ing)*, *keeping the fast* – *уразу* (воздержание на определённый срок от приёма всякой пищи или отдельных её видов).

Рамазон и *Қурбон* – мусульманские праздники во всем мире. Для таджиков эти традиционные праздники веками служили частью их религиозной – *динӣ* идентичности и национальной культуры. Традиция жертвоприношения – *маросими қурбонӣ* имеет доисламские корни в иранской культуре и упоминается в древних исторических, литературных и культурных источниках. Празднование *Қурбон* – *Қурбан* связано с именем пророка Ибрагима Халилullo и историей его жертвоприношения собственного сына Исмаила. По традиции утром в день праздника мужчины умываются, надевают новую одежду и идут в ближайшую мечеть – *масҷид* на праздничную молитву – *ибодат*, *намозхонӣ*. Перед молитвами проповедники – *воиз*, *хатиб* обычно рассказывают истории и легенды об этом празднике, о пользе жертвоприношения и щедрости – *кушодадастӣ*, *саховат*, *олиҳимматӣ*, *карими*, направляют всех на путь добра.

Дома женщины готовят праздничный стол и принимают гостей, а детям дарят подарки. Церемония жертвоприношения начинается после праздничной молитвы. После молитвы сначала идут на кладбище, а затем в дома людей, которые потеряли близких, чтобы помолиться и прочесть *аяты* – *оятҳо*, отрывок из Священного Корана. Жертвы – *қурбонӣ* уместны для людей, которые имеют достаточные финансовые возможности. Обычно приносят в жертву овец – *ғусфанд*, а мясо раздают бедным и нуждающимся – *ҳочатмандон*, *муҳтоҷон*.

В дни соблюдения поста (рӯза гирифтан) завтрак — очень важное время приема пищи, которое называется «саҳархӯрак» ё «саҳархӯрӣ», — *пища, принимаемая до рассвета*. На ужин на стол ставят самые вкусные горячие блюда, такие как плов, манту, курутоб, шакароб и так далее. Следует отметить, что во время Рамазона люди едят более *питательную пищу* — *хӯроки сергизо, гизонок*.

Кроме еды на стол ставят хлеб, чай, фрукты и салаты, сладости и десерты. Одной из самых популярных сладостей Рамазона является *нӯшхалво* — *нишалло (лакомство из сахара, взбитых яичных белков и мыльного корня)*. До ужина, который называется *ифтор* — *разговенье*, обычно читают молитву из священной книги, как правило, на арабском языке. Но некоторые используют и таджикскую версию: *Рӯза гирифтам ба номат, кушоям ба фармонат*.

В сравнении с солнечным календарем, даты *Рамазон* — *Ramazān*, *Рамадан* — *Ramad(h)an* — отличаются и сдвигаются назад, примерно на десять дней каждый год. Это передвигающийся праздник, зависящий от Луны. *Рамазон* — *Ramad(h)an*, *Ramazān* — *Рамадан* был месяцем, в который первые стихи Корана были, как говорят, раскрыты пророку Ислама Мухаммеду. Это произошло в ночь, которую мусульмане называют *Лейлат Аль-Кадр* — ночь предопределения. Эта ночь, как считается, была одной из 10 последних месяца *Рамазон* — *Ramad(h)an*, *Ramazān* — *Рамадан*, закончившейся большим праздником и пиршеством *Иди Рамазон* *Ид-аль-Фитр* в первый день месяца Шавваль.

Таким образом, тематическая группа «лексика *Навруза* — *Нового года* и религиозных праздников» таджикского и английского языков представляет собой объемный массив лексических единиц, репрезентирующих все нюансы обрядовых действий, имеющих существенные различия, обусловленные многими факторами, в том числе историческим развитием, территорией проживания, религиозными представлениями.

Раздел 3.6. «Лексика празднования *Мехргон*, *Halloween*, *Сада* и *Carnival* в таджикском и английском языках». В таджикском языке традиционные исторические праздники наших предков были возрождены во времена государственной независимости, и одним таких праздников является *Мехргон* — *Mehrگون* — *Мехргон*, который отмечается ежегодно с наступлением золотой осени. Это замечательный праздник любви и процветания и также, как «*Навруз*», воплощает добрые традиции человечества, символизируя процветание жизни дехкан. В исторических, культурных и литературных источниках, особенно у поэтов-классиков персидско-таджикской литературы, праздник *Мехргон* — *Mehrگون* — *Мехргон* воспевается как знак благоденствия, изобилия, он показывает богатство и щедрость дастарханов как результат усиленных трудов дехкан и ремесленников.

В англоязычных странах *Halloween* — *Хэллоуин* (hallowmas — день всех святых и even — вечер) — праздник, отмечаемый в канун Дня всех святых. В этот день (1 ноября) организуется карнавал, символом которого считается ведьма на метле и выдолбленная тыква, внутри которой зажжена свеча.

В этот день готовят угощения, вырезают *pumpkin lanterns* – фонарики из тыквы, проводят праздничные посиделки и ходят в специальных костюмах.

Вырезание тыкв для изготовления *jack-o'-lanterns* – фонариков и их демонстрация на *Halloween* – Хэллоуин — это вековая традиция, которая на самом деле берет начало из Ирландии. Из тыквы также вырезали фигуры, которые впоследствии стали называться *Jack of the Lantern* – Джеком-Фонарём и положили начало тыквенной традиции.

Суеверия Хэллоуина зависят от доброй воли «*spirits* – духов», присутствие которых так остро ощущалось ранними кельтами.

Если праздник «*Меxргон*» — это праздник осеннего равноденствия, означающий добро и победу над злом, праздник урожая, дружбы и верности, то Хэллоуин для англичан, как и для древних кельтов, – праздник, знаменующий начало зимы. Для англичан этот день – конец лета, ассоциирующийся с появлением призраков умерших, возвращающихся на землю, чьё присутствие вызывает плохой урожай.

Сада – Сада является одним из древних праздников. *Сада – Сада* считается самой длинной ночью после 40 дней прихода *Шаби Ялдо* – Ночь Ялдо и завершения холодной зимы, называемой *чиллаи калони зимистон* – зимняя чилла – сорокодневие. Он празднуется как воздаяние почестей *Меxр* – affection, love.

В истории этот праздник всегда был коллективным и считался традицией всех жителей города, *махалла*.

В праздник *Сада – Сада* ритуал возжигания огня был обязателен. Обязательной была традиция прыгать через огонь.

По мнению большинства историков, праздник Огня, т.е. *Сада – Сада*, праздновали по прошествии 100 дней холодной зимы. Люди верили в то, что огонь могуществом Хурмузда останавливает холода, посланные Ахриманом.

Carnival – Масленица – это праздничное мероприятие, сопровождаемое весельем, шествиями и т.д., особенно в некоторых римско-католических странах, в период непосредственно перед Великим постом.

Слово *Carnival* – Масленица имеет следующие синонимы: festival – фестиваль, fiesta – фиеста, fête – праздник, jamboree – вечеринка, celebration – празднование, fest amusement park – парк развлечений, fun fair – фест, ярмарка развлечений, amusement show – шоу развлечений.

Анализ лексики праздничных обрядов и ритуалов показал специфичность лексических единиц, репрезентирующих обряды и их отдельные этапы, традиции приготовления ритуальной пищи, гадания, молитвенных правил, развлечений и т.д., всего того что формирует языковые особенности номинации народных праздников у носителей таджикского и английского языков.

Раздел 3.7. «Лексика традиции чаепития в таджикском и английском языках». Чаепитие в Таджикистане – особый ритуал. Ни одно событие здесь не проходит без этого напитка: с него начинаются свадьбы и похороны, его пьют на завтрак, обед и ужин. Чайная традиция имеет многовековую историю.

Чай пьют из *пиёлаи чинӣ* – *porcelain bowl* – фарфоровой пиалы, как правило, выбирают ароматные сорта черного и зеленого чая с вкусными десертами.

Таджики обычно садятся на пол, застеленный коврами и *курпачой* (*специальными матрасами, набитыми ватой или очищенным хлопком и сшитыми из красивой ткани*) – *narrow quite which serves as a mattress*. За дастархоном – *table cloth* – скатертью, расстеленной на полу, проводится обряд хвалы Богу. В конце застолья этот обряд повторяется.

Для мужчин место для чаепития – это *чайхана*. Мужчины могут сидеть здесь часами у горячего чайника, наполненного ароматным напитком. Они обычно пьют *чойи кабуд* – *зелёный чай* [<https://www.tea-terra.ru>].

Тот, кто разливает чай (*чойкаш*), подносит носик чайника к верхнему краю внутренней стороны стенки *пиёла* – *cup* – *пиалы* – *чаши* и наливает в неё чай таким образом, чтобы струя жидкости, не журча и не проливаясь, попадала в пиалу. Наливать нужно было немного – на донышко *пиалы* буквально три-четыре небольших глотка. Это делалось для того, чтобы пьющий чай наслаждался не только вкусом чая, но и его ароматом и цветом. Первую пиалу полагалось выпить самому разливающему *чой* – *tea* – *чай*, а следующую он подавал сидящему от него справа человеку. Пиала с чаем, по обычаю, подавалась правой рукой и правой же принималась. Все это больше походило на какой-то *магический обряд*, на приготовление к ритуальному торжеству, нежели на обычное чаепитие. Постепенно все не спеша, в перерывах между монотонной беседой осушив пиалу, возвращали ее разливающему, и все начиналось снова, по той же схеме.

Английская традиция чаепития отличается от таджикской.

В Англии она регулируется взыскательным чайным этикетом. В английской культуре черный чай подается с молоком, а порой и с сахаром. Во время чаепития поднимают не только чашку, но и блюдце.левой рукой нужно поднять со стола чашку с блюдцем, а правой – чашку и пить чай. Неплохой чайный сервиз, даже в бедном доме, — это символ достатка, благополучия и благоденствия в доме.

В английской культуре чай является основным и важным напитком, и принят шестиразовый обычай чаепития.

В лексику традиции чаепития входят следующие лексические единицы: *herbal teas* – *чойи гиёҳӣ* – *травяные чаи*; *leaf tea* – *чойи сиёҳи байхӣ* – *черный байховый чай*; *serve* – *дастархон оростан*, *суфра ҳозир кардан* – *сервировать*; *tea-room* – *чайная* – *чойхона*, *самоворхона*; *tea-things* – *чойнику пиёла* – *чайная посуда*; *cat-lap, weak tea* – *чойи наст* – *некрепкий чай, слабый чай*; *milk jug* – *зарфи шир* – *молочник*; *to drink a cup of tea* – *як пиёла чой нӯшидан* – *выпить чашку чаю*; *snack, bite* – *хӯриш*, *газак* – *закуска*; *sugar-tongs* – *анбӯри кандиикани*, *қандишканак* – *щипцы для сахара, для кускового сахара*; *tea-strainer* – *элакчай* *чойник* – *чайное ситечко*; *tea-cover* – *руйиушақҳои чойник* – *чайные чехлы*; *nabpkin, serviette* – *сачок*, *дастпоккун* – *салфетка*; *natural flowers* – *гулҳои тару тоза* – *живые цветы*.

Таким образом, лексические единицы, выражающие традиции чаепития, занимают важное место в традиционной культуре, фольклоре, религии и философско-этической системе таджикского и английского народов.

Раздел 3.8. «Лексика поверий и примет, связанных с днями недели, в таджикском и английском языках». Каждое название дня недели отражает его назначение, содержит подсказку или предупреждение, оставленное нам предками. Люди верили, что каждый день находится под властью определенных стихий и божеств.

Дни недели, как и в глубокой древности, посвящены разным святым: Воскресенье – Одами Сафиулло – Адаму-прародителю, Понедельник – Нух – Ною, Вторник – Иброим – Аврааму, Среда – Мусо-Моисею, Четверг – Исо – Иисусу, Пятница – Мухаммаду, Суббота – Али [Андреев, 2020:223].

В таджикской традиции понедельник, среда считаются тяжелыми, а вторник, четверг, пятница и суббота – легкими. С древних времен считалось, что жизнь человека зависит от того, в какой день он родился [Collins, 1960:89].

В современный английский язык перешли римские названия дней недели, посвященные Солнцу, Луне и Сатурну (Sunday, Monday, Saturday), а вторнику (Tuesday), среде (Wednesday), четвергу (Thursday) и пятнице (Friday) достались имена англо-саксонских и северных богов Тира (бог войны), Одина (главный бог), Тора (бог шторма) и Фригт (богиня любви).

Существует поверье, что если человек родился в понедельник, то будет богатым.

Monday for wealth Tuesday for health, Wednesday the best day of all; Thursday for crosses, Friday for losses, Saturday no luck at all [Fergusson, 1995:128].

(Понедельник – для богатства. Лучший день – среда. А по четвергам теряют вещь или работу. В пятницу всегда страдают. Горе – для субботы).

Чоршанбе – Wednesday – Среда, согласно народным поверьям, считается несчастливым днём. Это связывают с тем, что в этот день, в среду, пророк Аюб попал в беду. В среду нельзя пускать кровь, посещать больного и подстригать ногти, что считалось дурным предзнаменованием.

У таджиков именно в среду проводится церемония «*мушкилкушо*», что означает *разрешение трудностей*. Этот ритуал обычно проводится женщинами. Женщины собирают гостей в свой дом и приглашают биби-отун, которая читает молитву. Для проведения «*мушкилкушо*» – *разрешения трудностей* необходимы *пахта* – вата, *об* – вода (сосуд с водой), *ширини* – сладости, *чубча* – палочки деревянные для того, чтобы завернуть в них вату и разжигать огонь. В конце церемонии «*мушкилкушо – разрешения трудностей*, *пахта* – cotton – вату, использованную во время церемонии, бросают в воду» [Крэмер, 2003].

У таджиков *панчшанбе – Thursday – четверг* считается хорошим, удачным днём.

У англичан в *Thursday – четверг* удачен только один час: перед восходом солнца. Thursday – четверг происходит от английского слова 'thunder' – гром,

небесный гул. Этот день дан богу Юпитеру (в древнегреческой мифологии – Зевсу), богу грома и молнии.

Чумъа – *Friday* – *Пятница*. В таджикской культуре пятница считается священным днём.

*Имрӯз, олинамар ўро ном аст,
Май нӯш кун аз қадаҳ, чӣ ҷои ҷом аст.
Ҳар рӯз агар як қадаҳи май хӯрди,
Имрӯзду хӯр, ки сайид дулайём (рӯзи муборак) аст [Хайям, 2010:58].
(Сегодня пятница: поэтому смени
На чащу кубок твой, а ежели все дни
И так из чаши пьёшь, удвой её сегодня:
Священный этот день помани).*

Friday – *Чумъа* – *Пятница*, по-древнеанглийски 'Frīgedæg', названа в честь жены Одина Фрейи. В современной культуре Британии пятница воспринимается положительно, так как связана с окончанием рабочей недели, но раньше она не считалась счастливым днем. В английской культуре существует следующая пословица о пятнице: *Friday and the week is seldom alike* – Погода на неделе и в пятницу – вещи разные [Арсентьева, 1989:32].

У англичан считалось дурным предзнаменованием в пятницу: рожать, выходить замуж, купаться, стричь ногти, устраиваться на новую работу, хоронить (в течение года будет новая смерть), подавать в суд, сажать деревья, купаться, шить, стелить постель (вам будут сниться дурные сны), есть мясо, работать, начинать дела (иначе дело отступит) и т.д. *Friday for losses* – В пятницу жди потерь [Арсентьева, 1989:63].

Легенда гласит, что в те времена в деревнях Британии из всех дней недели самым лучшим днем являлась *суббота*, а из всех субботних часов – время после полудня. В книге “History of Faversham” находим этому подтверждение: “Церковный сторож или его заместитель должен звонить в полдень накануне всех календарных праздников и в каждую субботу таким количеством колоколов, сколько возможно”.

Крестить детей можно было только в *субботу*; *если будешь крестить в другой день, ребенок умрет*. (Суеверие, распространенное в Св. Килде и записанное Мартином в его “History of St. Kilda”). *От субботы не жди удачи*. (О браке). *Сон, приснившийся в пятницу, о том, что будет в субботу, непременно и скоро сбудется* [Collins, 1960].

Якшанбе – *Sunday* – *воскресенье* в таджикской культуре является самым хорошим, приятным для домашних дел днём, а также считается священным.

Sunday – *воскресенье* – священный день отдохновения. День радушия и простоты, открытости и торжества, и в английском языке он назван *Sunday* – день Солнца, который является противоположностью “Monday” – дню Луны. В Восточной Англии *воскресенье* считалось хорошим днем для любых начина-

ний: сева и т.д. Воскресение было особым днем, и об этом говорит следующая пословица: Святой день отдыха.

Ребенок, рожденный в воскресенье, всегда считался обладающим какой-то особой способностью; почему это должно быть так, никогда не объяснялось, и, очевидно, причины этого убеждения останутся загадкой.

Пословицы, содержащие поверья, связанные с днями недели, не только воспроизводят особенности культурно-национального мировоззрения, но и формируют их в процессе освоения своего паремнологического наследия, что делает их интересным и перспективным предметом исследования.

Раздел 3.9. «Лексика поверий и примет, связанных с цветом, в таджикском и английском языках». Здесь речь идет о цветовой гамме культурно-языковой (или лингвокультурной) картины мира, создаваемой английским и таджикским языками, в которой черное и белое играют очень важную роль. Эти цвета отражают как реальную, так и культурную картину таджикского и англоязычного мира. Оба цвета представляют собой определенный физический феномен реального мира. Например, они могут характеризовать платье: *куртаи сиёҳ* – *a black dress* – *черное платье* обозначает платье черного цвета, а *куртаи сафед* – *white dress* – *белое платье*. Однако в обеих культурах черный цвет ассоциируется с трауром (вместе с тем, во многих восточных странах цвет траура – белый), поэтому *куртаи сиёҳ* – *a black dress* – *черное платье* может быть либо траурным, либо официальным вечерним нарядом.

Например, *Ў дар танаи куртаи сиёҳ дошт; азбаски шамол меварзид, сараширо бо рӯмои сиёҳ печонида буд* (Войнич, 1972:123).

She ran upstairs, and came back with the roses in the bosom of her dress, and a long scarf of black Spanish lace thrown over her head [Yoyhich, 1972:125].

Белое платье обычно носят молодые девушки в обеих культурах, это символ невинности, свадебное платье. Пышное белое платье обычно "выдает" невесту – это культурный признак брака. В целом метафоры белого и черного цветов в таджикском языке совпадают с английскими: *дили сиёҳ* – *черная душа*; *хабари нохуш* – *черная весть*; *рӯзи сиёҳ* – *черный день*; *чаши сиёҳ* – *черный глаз*, *душмани бад* – *черный враг*.

Аллакай! Ман фикрҳои бадамро аз худам дур кардам. Хайр рав (Войнич, 1972:173).

Already? You had almost charmed away my black mood. Well, good-bye. [Yoyhich, 1972:176].

- Уже? А я только начал отвлекаться от своих *черных* мыслей. Ну что ж, прощай! (Войнич, 1972:170).

Раздел 3.10. «Зоонимическая лексика в таджикском и английском языках». Слова, которые обозначают имена животных, или зоонимы, представляют собой один из самых древних пластов языков мира. Ассоциации и параллели между животным миром и жизнью человека, возникающие в сознании представителей разных обществ, веками формировали богатый фонд пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом.

В английском и таджикском языках бытует множество фразеологизмов и паремий, отражающих поверья и традиции, в том числе мифологические и религиозные представления о животных.

Гӯсфанд – *sheep* – *баран* считается самым чистым, священным животным.

Овцы (бараны) играют важную роль во всех религиях: Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, царь Давид и пророк Мухаммед были пастухами. В библейском рассказе о жертвоприношении Исаака баран был принесён в жертву после того, как ангел остановил руку Авраама (в исламской традиции Авраам собирався принести в жертву своего сына Иسمайла). В память об этом овцы приносятся в жертву во время праздника Курбан – Байрам, главного мусульманского праздника. Лексические значения слова *овца* в пословицах разнообразны, так как эта лексема характеризует различные черты человека, ситуации его существования и события, связанные с ним.

Барои ид бувад гусфанди курбон [Калонтаров, 1989:168].

– *Баран существует ради жертвоприношения.*

Гӯсфанд наштавад, бузро мекушанд.

– *Если нет барана, забивают(режут) козла* [Калонтаров, 1989:288].

Англичане – это народ, который имеет свою историю развития, у них отличные от таджиков нравы и принципы морали, а также другая культура и психология и, конечно же, образ мышления, религия, традиции и обычаи. В готском языке для обозначения *овцы* и *ягненка* использовался термин *lamb*. В готском было также два слова, обозначающих ягненка – *lamb, wifrus*.

As well be hanged for a sheep as a lamb – Если *суждено быть повешенным за ягнёнка, почему бы не украсть овцу*. Означает семь бед – один ответ. Происхождение пословицы связано со старым английским законом, по которому кража овцы каралась смертной казнью через повешение, такое же наказание было и за кражу ягненка. Поэтому вор часто предпочитал украсть овцу, а не ягненка, чтобы иметь больше мяса для себя и своей семьи.

Общение с животными привело к тому, что люди стали понимать их привычки, поведение и способы приспособления к жизни, использовать представления об особенностях и характере некоторых животных для того, чтобы образно описать человеческие отношения, обозначить некоторые социальные явления, указать на сходство с животным некоторых людей. Разные ассоциации по отношению к одним тем же животным привели к появлению в каждом языке особых ассоциативных образов животных, символические значения которых очень богаты, различны и даже противоречивы.

В таджикской литературе *собака* выражает как положительные, так и отрицательные черты:

Саге к-аш бо ту пайванд аст, чонӣ,

Беҳ аз ёре, ки дорад саргаронӣ [Калонтаров, 1989:551].

Собака, которая к тебе искренне привязана,

Лучшие друга, таящего (против тебя) обиду.

Камбагалро дар боли шутур саг газидааст (досл. Бедняка, даже сидящего на верблюде, укусит собака) – *Бедному человеку всегда не везёт* [Калонтаров, 1989:312].

В таджикском языке образ *собаки* часто используется для изображения умных людей, она приравнивается к опытному человеку:

*Саги кордида бигирад паланг,
Зи рӯбоҳ рамад шери надида чанг* [Калонтаров, 1989:280].
*Обученная собака тигра поймает,
Лев, не бывший в битве, пугается лисы*

В Коране собаки упоминаются только три раза и имеют положительную коннотацию. Более того, в двух сурах собака представлена как верный и полезный спутник человека [Крачковский, 1990]. Существует поверье, что собака первой чувствует приближение землетрясения и задолго до него начинает беспокоиться и громко лаять.

В английской культуре лексема "*dog – собака*" также играет очень заметную роль в языковой картине мира.

Let sleeping dogs lie (англ.) [Дубровин, 1993:265] – "*Не будите спящую собаку*".

Отношение к ней в лингвокультуре как британцев, так и таджиков было одинаково позитивным. Возможно, это связано с тем, что именно собаку, согласно легендам всех народов мира, человек приручил первой из животных и она стала его надежным другом и верным спутником. Вместе с тем, в религии Ислама существует постулат о том, что, если собака прикасается к предмету или напитку, его нужно семь раз вымыть перед употреблением. Но поскольку в системе исламских ценностей сохранение жизни и здоровья человека, несомненно, перевешивает цену жизни собаки, большинство исламских ученых видят в этом не что иное, как санитарную норму, появление которой диктуется повседневным опытом.

Кошка в таджикской мифологии – одно из самых загадочных животных. Существует такое поверье, что собака желает много детей в доме, чтобы их кормили, а кошка, напротив, чтобы ей досталось много молока.

Ба дуои гурба (-и сиёҳ) (курмуш) борон намеборад [Калонтаров, 1989]
– *Благодаря молитве кота (черного) дождь не пойдёт.*

В Англии черная кошка символизирует счастье и удачу. Дословно эта примета с точки зрения англичан звучит так:

«If a black cat crosses your path, you will have good luck».

Lucky to meet a black cat. – Встретить черного кота – к удаче.

Black cat crosses path it's for luck. – Черная кошка переходит дорогу – это к везению [Дубровин, 1993:265].

В давние времена таджики считали, что *курица* – мурғ, *собака* – саг и *осёл* – хар – животные нечистые, что их прикосновение оскверняет. Яйца кури-

ные отнюдь есть нельзя. Мясо их тоже есть нельзя. И старики его не ели. [Андреев, 2020:82].

Curses like chickens come home to roost.

– *Проклятие, когда цыплята приходят домой на насест* [Дубровин, 1993:184].

Данная пословица имеет значение, что беда не приходит одна, т.е. после одного несчастья могут наступить и другие несчастья.

В английских суевериях встреча только с одной сорокой принесет несчастье, а если увидеть сразу двух, то человека, по мнению англичан, ждет невероятная удача. Считается, что сороки выбирают для себя спутника на всю жизнь, поэтому, если вы видите только одну сороку, то это к несчастью, ведь получается, что она лишилась своего спутника.

People used to believe that owls swooped down to eat the souls of the dying.

– *Люди верят тому, что совы прилетают, чтоб поглощать души умирающих* [Дубровин, 1993:230].

Змея в мифологии разных народов имеет прямо противоположные символы. В христианстве змей – это и хороший, и плохой символ, аллегория дьявола и мудрости.

Змеи считаются существами, которым свойственны легендарное долголетие и таинственная связь с миром богов. Это обусловило популярность образа змеи в традиционных мотивах таджикского искусства, её широкое использование в традиционной таджикской медицине, а также формирование представлений о её связи со злым началом.

В таджикской культуре сравнение с драконом используют, когда речь идёт о выдающейся личности, знаменитости, гение, даровитом, талантливым человеком:

Мормоҳӣ аждаҳо шуд (досл. угорь превратился в дракона). – *Из грязи да в князи.*

Бачаи мор мор аст. – Детеныш змеи – змея. [Калонтаров, 1989:181].
Моргазида аз банди (ресмони) ало метарсад. [Калонтаров, 1989:181].

– *Аналог: Пуганая ворона и куста боится.*

В английском языке слово *firedrake* (*a fiery dragon*) обозначает «огнедышащий дракон».

"Он взял дракона, змея древнего, который есть Дьявол и Сатана ..." ("Откровение" 20:1) And he laid on the dragon, that old serpent, which is the Devil and Satan ... Это легенда об ангеле, сходящем с небес, у которого был ключ от бездны и большая цепь в руке. Он схватил дракона, этого древнего змея, который есть дьявол и сатана, и связал его на тысячу лет, и бросил его в бездну, и наложил на него печать, чтобы не обманывал уже народы тысячу лет; после этого он должен быть освобожден на некоторое время [<http://bible.optina.ru>].

В английской и таджикской культурах зооним имеет различные культурные коннотации, которые тесно связаны с историей, обычаями, повседневной жизнью, географическим положением и языковой культурой.

В разделе 3.11. «Святые места и обряды, связанные с ними» описываются обряды и обычаи таджиков, связанные с *осиё* – мельницей, с древних времен считавшейся святым местом. Здесь проводились эти обряды для предохранения от злой силы, охраны здоровья и излечения от недугов, для очищения и достижения благих целей – семейного благополучия и богатства.

По информации старожилов-мельников, у каждой старинной мельницы имелся свой «дэв – *deva, daeva, daiva* – див», «чин – *gin* – джин», т.е. демон – покровитель, в зороастризме – демон, злой дух.

Дэвы изображаются в виде гигантов устрашающего и отвратительного вида. Они могли повлиять на работу мельницы. Дэв добр к людям и не причиняет им вреда. Но если по какой-то причине *рӯҳ* – *ghost* – дух рассердится на человека, то он потерпит неудачу в работе мельницы. Это приписывается святому духу мельницы – «пири осиё».

В связи с этим, в недалеком прошлом некоторых больных, особенно чем-то напуганных, приводили к мельнице, ставили свечи и просили «пири осиё – *foreman* – старца», патрона мельницы помочь человеку в излечении от болезни, брали немного воды из-под мельничного колеса и обрызгивали ею больного. Данный *расму русум* – *ritual* – *ритуал* выполняли женщины – *чодугарзан* – *sorceress* – ворожеи или *старухи* (те, кто занимается колдовством, гаданием; знахарством – заговорами от болезней и порчи; связаны с тёмными духами). Считалось, что вода, которая текла через лопасти мельницы, является плодородной и целебной.

Здесь жители собирали в сосуды воду из-под колеса мельницы и, совершив над этой водой какие-то обряды, поливали больных родственников в надежде на их скорое выздоровление. Такая *ritual water* – *ритуальная вода* на местном языке называлась «қайтарма», что означало «шифобахш – *healing* – исцеление» [Муродов, 1981:143-144].

До сих пор существует такое понятие в обычаях таджиков и других народов Средней Азии, как «ниёз – *vow* – обет» (клятвенное обещание, которое верующие дают Богу, исполнить какое-л. богоугодное дело). На основе этого обряда новорожденный «прикреплялся» к какой-то одной мельнице или мазару, и его дальнейшая судьба зависела якобы от прихоти этих объектов. По этой причине родители один раз в год посещали эти святы места и совершали *қурбонӣ* – *sacrifice* – жертвоприношение (религ. обряд умилоствительного или благодарственного характера, принесение даров Богу, святым и ангелам с целью их умилоствления. [Муродов, 1981:141-150].

В Англии есть множество священных мест, таких как Йоркский собор, Гластонберийская икона Божьей Матери, Виндзорский замок, Михайловский Холм 145-метровой высоты близ Гластонбери с незапамятных времен был окутан массой тайн и загадок, Чиллингемский замок, здание в графстве Нортум-

берленд на севере Англии – самый знаменитый замок с привидениями в Соединенном Королевстве, Кафедральный Собор Христа и Девы Марии и др.

Соборная церковь Христа и Девы Марии – Романская церковь в английском городе Рочестер. – *eparchy, Eparchy, diocese* – *Епархия (церк. – административный округ, возглавляемый епископом и состоящий из приходов, объединённых в благочиния, и монастырей, находящихся на данной территории).*

Eparchy, diocese – Епархия в Рочестере была основана Юстом. Юст был одним из миссионеров, сопровождавших *Святого Августина Кентерберийского*, который пытался преобразовать *heathenism* – язычество (термин, введённый в оборот богословами монотеистических религий и служивший для обозначения политеистических религий, т. е. религий, исповедующих веру не в единого Бога, а во множество богов или тайных сил, покровительствующих отдельным творениям, стихиям, природным явлениям) в христианство в начале 7 века. Как первому *bishop, bish* – епископу (священнослужитель высшей [третьей] степени в церк. иерархии большинства христ. церквей) Рочестера, Юсту было дано разрешение от короля Этельберта Кентского установить церковь в городе.

Cathedral – Собор (главный храм в городе или монастыре, рассчитанный на богослужение архиерея с большим числом духовенства) обслуживался светскими священниками, которые учились при *cathedral* – соборе. Также *church* – церкви (название христ. культового здания, имеющего алтарь и помещение для богослужения) были переданы земли вблизи города, сейчас те места называются Пристфилд [<http://palomniki.su>].

Проведенное исследование подтвердило, что различные лексемы, выражающие поверья и традиции материальной культуры, содержат ментально значимую информацию. Культура включается во все воспроизводимые единицы языка в виде национально-специфического кода, а язык, в свою очередь, является репрезентантом таксоном культуры. Лексемы, выражающие поверья и традиции, содержат многослойную, разнообразную ценностную информацию ментального, лингвистического, культурного, этнографического и историографического характера.

В четвертой главе «Сопоставительный анализ лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках», состоящей из 3 разделов, анализируются разнообразный состав имен собственных таджикского и английского народов, обряды, связанные с именами и наречениями, а также этнографические особенности антропонимов в сравниваемых языках. Рассматривается словообразовательный потенциал суффиксов и префиксов таджикского и английского языков, определяющих реальные возможности словообразования, в частности лексики «поверий и традиций», как один из актуальных вопросов таджикского языкознания.

Раздел 4.1. «Этнолингвистические особенности антропонимной лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках». Разнообразный лексический состав имен таджикского народа содержит богатый лингвистический и этнографический материал, связанный с народными обычаями,

обрядами, приметами, суевериями, древнейшими представлениями о человеке и его природе. А.Г.Гафуров пишет: «Вера в то, что с именем предка в ребёнка входит его дух, основывается на представлении об имени как о душе человека, которая, раз покинув тело умершего, будет потом вселяться в того или иного потомка через имя. Отсюда и все тревоги о продолжении рода и отношение к бездетности как к самому большому несчастью, ибо тогда некому будет передать имя» [Гафуров, 1970:279].

Бывает, что потомки берут имена своих умерших близких родственников. Эти имена затем часто заменяются в повседневной жизни соответствующими терминами родства, которые присваиваются им как личное имя. Это происходит, главным образом, потому, что человек, названный в честь умершего деда или бабушки, для окружающих родственников представляет предка, от которого он взял свое имя.

Считается, что перенос имени родителей на детей вызван идеей бессмертия души, а не простым почитанием предков.

В этих случаях имя, данное в честь предка, не произносится до совершеннолетия. Родные не только не называют ребенка, но даже никому его не раскрывают. Считается, что в этом ребенке заключен дух его предка, и если предку понравился ребенок, названный в его честь, то такой ребенок вырастет добрым, хорошим человеком, которому будет сопутствовать удача во всех его делах. Если же, наоборот, предку это не нравится, то он забирает его к себе из этого мира, и тот, кто носил имя его предка, в этом случае умирает. Прежде чем открыть имя, оно заменяется на общие имена, которые называют условия родства: *Бобо, Додо, Дада, Ота, Отаджон, Она, Онаджон, Амма, Хола* и др. В некоторых случаях эти термины родства были личными именами: *Бободжон, Бибиджон*. Вера в способность влиять на человека проявляется в выборе имени для девочек: *Басак, Басгул, Зиёда – «лишняя»*; *Басбиби, Бозгул – хватит девочек* [Насруddинов, 2014:101-105].

Также существует поверье, что после смерти нескольких детей в семье ребёнка называют *Басгул* и т.д.

В таджикском языке:

Хоркаш – «тащущий траву-колючку». Уничтожительное, «маскировочное» имя, призванное, по мнению суеверных родителей, отвести внимание злых духов от ребенка. Кроме того, это имя должно уберечь от «сглаза».

Хошок – «сухая, прошлогодняя трава». Старую траву никто не замечает, ее не едят животные, тем более не нужна она злым духам, думали родители, давая своему сыну это имя.

Шамма – «вываренный чай». Одно из уничтожительных, «маскировочных» имен, должное, по мнению родных ребенка, уберечь его от действия таинственных сил [Гафуров, 1968:76].

Кроме таких "активно" отгоняющих злого духа имен, существуют имена и другого рода. Эти имена унизительны, непривлекательны и неприятны.

До сих пор даже в горных районах Таджикистана встречаются названия Хошок – *сухая трава*, Пахол – *солома*, Партов – *брошенный*, Хокирох – *дорожная пыль*.

Обряды, связанные с именами и наречениями, многочисленны. Значимы также этнографические особенности антропонимов в сравниваемых языках.

У народов Востока, в том числе и у таджиков, есть культ природы: культ Солнца, Луны, Огня, Ветра и т.д. У народа еще сохранились обычаи, когда при новолунии или полнолунии совершается ритуальный жест приветствия и исполнения желаний. И, конечно же, слово «мох» "*месяц, луна*" является составной частью многих таджикских личных имен, *например*, Мохпора – "*кусочек луны*", Мохпарй – "*лунная пери, красавица*", Мохру – "*лунолика*" и т.д. [Гафуров, 1968:22].

Проблема изучения имен собственных привлекала внимание ученых с древнейших времен. Возникновение имен и их значение, связь с обществом, с идеологией и поверьями народа, с природой, а также теми изменениями, которые происходили с ними на протяжении разных эпох, изучаются в контексте различных научных дисциплин, в частности истории, этнографии, литературоведения, географии, психологии и т.д. [Гафуров, 1968:24].

В английской традиции иногда родители могут решить назвать своего ребенка в честь человека другого пола, и если это распространено, имя может стать нейтральным. Например, христиане, особенно католики, могут назвать своих сыновей *Марией* (или французским именем *Марион*) в честь *Девы Марии* или своих дочерей *Jose* в честь Святого Иосифа, или *Jean* в честь Иоанна Крестителя. Эта религиозная традиция чаще всего наблюдается в Европе и Латинской Америке, чем в Северной Америке.

На происхождение многих слов, обозначающих растения, повлияли различные библейские сюжеты, мифические существа, исторические события, географические открытия. *Iris* – *ирис*. В древнегреческой мифологии Ирис – богиня радуги и вестница богов. Ирис имеет три больших лепестка, которые символизируют веру (faith), бесстрашие (valor) и мудрость (wisdom).

Слова, обозначающие растительный или животный мир, могли использоваться в качестве фамилий и могли указывать на сходство человека с этим животным или его род занятий, связанный с этим животным.

Вместе с исламом и христианством появились так называемые мусульманские или христианские имена. В таджикском языке мусульманские имена в основном происходят от арабского и персидского языков, например: *Иброҳим*, *Аҳмад*, *Исмоил*, *Али*, *Ҳасан*, *Ҳусейн* и т.п. Однако некоторые арабские имена, по сути, не являются собственно арабскими, поскольку были заимствованы из арамейского и других языков: Собр – «*терпеливый*» (араб.), Рустам – «*богатырь*» (перс.), Зара – «*золото*» (перс.), Джалоуддин *от араб*. Джалиладдин – «*величие религии*», Чумьабой – «*пятница*» (*святой день молитвы*), Эҳсон – «*благодетель*», Мўршуддин – «*наставляющий на истинный путь*», Нуруддин – «*свет веры*», Сайфуддин – «*меч веры*», Алоуддин –

«Вершина веры», Худойдод – «божий дар», Худойназар – *взгляд божий*», Курбонмухаммад – «жертва Мухаммаду». Эта группа представлена как в мужском, так и женском именниках.

Среди мужских это такие имена, как *Абда* «поклоняющийся (Аллаху)». Значительную часть антропонимов религиозного содержания составляют имена-дезуративы. А.Г.Гафуров по этому поводу отмечает, что благое пожелание, вложенное в имя, стало представляться чуть ли не решающим судьбу ребёнка.

Раздел 4.2. «Сопоставительный анализ примет и суеверий в английском и таджикском языках». Здесь рассматриваются различные суеверия и приметы, закрепившиеся в сознании представителей таджикского и английского этносоциумов, в которых обнаруживается немало сходжений, таких как, например, счастливые и несчастливые числа, суеверия о зеркалах и погодных условиях, церемонии, посвященные общим праздникам, и некоторые приметы, связанные с животными.

Таджикский и английский языки известны богатством своей культуры, традициями и фольклором. Несмотря на то, что таджикская культура значительно отличается от английской, а страны проходили разный исторический путь, многие приметы и суеверия совпадают.

Самые многочисленные суеверия, бытующие у таджиков и англичан, связаны с получением удачи, оберегами и талисманами. Например, у англичан часто можно встретить такую примету:

If you talk of the devil, he will appear. – Если постоянно упоминать злых духов или даже самого дьявола, то он появится.

Эта примета существует и у таджиков:

Гипи девро задам дев расида омад. – Вспомнили дива, и он появился [Калонтаров, 1989:29].

Есть также в Англии суеверие о том, что, если у вас чешется левая рука, то это к потере денег:

If you scratch your left hand, you will give money away.

Данное поверье имеет широкое хождение среди многих народов и означает, что если у человека чешется левая ладонь, то придется потратить деньги:

Агар кафи дасти чап хорад, пули зиёд харҷ мекуни.

- Если чешется левая ладонь, то расходуешь деньги.

У таджиков считается, что когда чешется правая рука, то это, напротив, сулит большую прибыль: *Кафи дасти рост хоридаи.*

Вместе с тем, между английскими и таджикскими суевериями есть множество различий. Одно из таких различий – это трактовка приметы, когда черная кошка перебегает дорогу. Таджики опасаются встречи с черной кошкой, верят в неудачу, если встречают женщину с пустым ведром, боясь возвращаться домой, если что-то забыли, считая, что возвращаться – плохая примета. Этот религиозный предрассудок о черной кошке, приносящей несчастье, возник многие тысячи лет назад, когда люди верили в существование ведьм. Они ассоциировали черную кошку с нечистой силой.

В Англии черная кошка символизирует как раз обратное – счастье и удачу. Дословно эта примета с точки зрения англичан звучит так: «*If a black cat crosses your path, you will have good luck*» [Дубровин, 1993:67]. «Если черная кошка перебежала тебе дорогу, у тебя будет удача».

Возможно, именно поэтому многие знаменитые люди Великобритании выбирают себе черных кошек в качестве домашних любимцев.

У таджиков черные вороны ассоциировались с чем-то нехорошим, считается, что они приносят плохую весть, а в Англии их считают птицами, приносящими удачу. Поэтому не удивительно, что в знаменитой Лондонской Башне держат именно воронов.

В Великобритании есть также много примет, не имеющих аналога с таджикскими. Например, такая примета: «*If you walk under a ladder, you will have bad luck*», означающая: «*Если ты пройдешься под лестницей, то тебя будут сопровождать неудачи*». – *Агар аз зери зинапоя гузарӣ, он гоҳ туро ҷамеиша нокомӣ дунболагир хоҳад шуд*.

В Великобритании считается, что кроличья лапка приносит удачу, а в таджикских поверьях говорится, что волк приносит удачу, если носить с собой любую часть его организма (зубы, ногти, кости, шкуру и т.д.)

И в Англии, и в Таджикистане множество суеверий связано с *зеркалами* – *mirror* – *оина*. Самая распространенная примета гласит, что если вы разобьете зеркало, то вас будут сопровождать неудачи в течение семи лет. Считается, что если разбить зеркало, то злые духи, живущие в зеркале, будут преследовать человека, который это сделал, чтобы отомстить за то, что он «выселил их из дома».

У таджиков есть обычай, по которому в новобрачную ночь молодожёнам показывают новое *зеркало* – *оина*. Таджикские приметы говорят о том, что это является признаком счастья. К зеркалу относятся очень бережно и стараются не разбить его. Если зеркало разобьется, семья будет несчастной или это приведёт к разрушению семьи.

Раздел 4.3. «Словообразовательный анализ лексики традиций и образцов в английском и таджикском языках». Словообразование – это образование новых слов (производных) от одних и тех же корневых слов и возникающие в результате этого формально-семантические отношения.

По мнению П.М.Карашука, «основной задачей словообразования является изучение формальных, семантических, генетических и других закономерностей и особенностей образования новых лексических единиц, возникающих в процессе развития языка» [Карашук, 1977:11].

Как подчёркивает А.А.Потебня, «внутренняя форма, как известно, – это понятие, связанное с возникновением новых слов в языке. В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может названо внутренней формой последующего» [Потебня, 1958:84].

Соответственно, пути и формы словообразования одного языка могут различаться от другого языка. Ключевой проблемой словообразования принято

считать проблему производности или деривации, обязательными признаками которых являются: а) производность по форме; и б) мотивированность по содержанию.

Производство новых слов в любом языке основано на определенных словообразовательных моделях, исторически сложившихся в этом языке. [Карашук, 1977:17].

Наиболее продуктивным способом словообразования является морфологический способ, имеющий множество средств, одним из которых является аффиксация. Аффиксация – основной путь образования новых слов и чрезвычайно важный инструмент в развитии словарного запаса языка.

Большинство суффиксов и префиксов, продуктивных при образовании слов в таджикском языке, пришли в таджикский язык из арабского: *беинтиҳо* – infinite – бесконечное; *этиқод* – faith – вера; *дин* – religion – религия; *мазҳаб* – denomination – вероисповедание; *боварӣ* – belief – верование; *диндор*, *муътақид* – believers – верующие; *Аллоҳ* – Allah – Аллах; *бовар кардан* – believe – верить, *зинда* (эҳё) *кардан* – rise – воскресать, *қурбонӣ* – offering (sacrifice) – жертвоприношение [ФЗТ].

Основным способом образования слов является использование изафетных словосочетаний: *бовариҷ сахт* – abiding faith – твёрдая вера; *бовариҷ қатъӣ* – enduring faith – крепкая вера; *бовариҷ мустақкам* – steadfast faith – прочная вера; *бовариҷ чуқур* – deep faith – глубокая вера; *бовариҷ қавӣ* – unshakable faith – непоколебимая вера; *андарёфти амалӣ* – persepction – практическое восприятие; *андарёфти ақлӣ* – mental persepction – умственное восприятие; *андарёфти назарӣ* – theoretical persepction – теоретическое восприятие; *андарёфти ҳиссӣ* – sensory persepction – чувственное восприятие; *илми лоҳиёт* (фиқҳ) – theology – богословие; *ҷаҳонбинӣ* *фиқҳӣ* – theological views – богословские воззрения; *ҳастиҷ* *илоҳӣ* – Devine being – божественное бытие; *ҳастиҷ Ҳудованд* – God's existence – бытие Бога [Hornby, 2005].

Суффиксы *-ят*, *-от*, *-ат* — заимствованы таджикским языком из арабского языка с целью образования от прилагательных абстрактных имён существительных: *воқеият* – действительность; *абадият* – eternity, immortal – вечность; *зарурият* – necessity – необходимость; *мушкилот* – difficulties – трудность; *хайроат* – charity – благотворительность; *ҳосилоат* – harvest – урожайность; *илтифот* – courtesy, compliment – благосклонность; *замонат* – responsibility warranty – ответственность; *диёнаат* – religiosity – религиозность; и т. п.

Суффикс *-анда* также широко используется при формировании лексики поверий и традиций. Он образует прилагательное вместе с основой настоящего времени глагола: *васлиаваанда* – linked, connected – связываемый, соединяемый; *ивазнашаваанда* – unvarying, unchangeable – неизменный; *муолиҷашаваанда* – curable – излечимый, исцелимый; *танзимашаваанда* – adjustable – регулируемый; *масаввуришаваанда* – imaginary, fictitious – воображаемый и др.

Представленный материал показывает, что в таджикском языке также употребляются следующие суффиксы: *-ӣ, -нок, -от, -ан*, например, *бoвapӣ* – *belief* – *поверье*; *aфcoнaвӣ* – *legendary* – *легендарный*; *зиндaгӣ* – *being* – *жизнь, существование*; *мумкинӣ* – *probability* – *вероятность*; *пoкӣ* – *fineness* – *чистота, очищенность*; *хикмaтнoк* – *gnomic* – *афористический*; *иллaтнoк* – *sickly, feeble* – *больной*; *oсeбнoк* – *harmful* – *вредный*; *хaвфнoк* – *dangerous* – *опасный*; *мaвҳумoт* – *prejudice, superstition* – *поверье*; *тaхминaн* – *assumption* – *предположение*; и др.

В таджикском языке существует группа сложных слов, образованных различными глагольными структурами. Этот метод создает слова, относящиеся к различным частям речи, особенно к существительному и прилагательному. Например, *фapиштaсирaт* – *angelic* – *ангельский*; *ҳaвoбaлaнд* – *arrogant* – *гордый*; *ғўшaнишин*, *хилвaтнишин* – *anchorite* – *анахорет, пустынный*; *ситoрaқишнoс* – *astrologer* – *астролог*; *тaмoшioбинoн* – *audience* – *зрители*; *ибoдaтxoнa* – *church, house of worship* – *церковь* и др.

Префиксы *-ба, -бо* указывают на обладание того, что обозначено мотивирующим словом. Например: *бoмaъpифaт* – *intelligent, educated*, – *образованный, интеллигентный*; *бoaндeшa* – *reasonable, judicious* – *благоразумный*; *бoaзaмaт* – *stately* – *величавый, величественный*; *бoaкл* – *reasonable* – *умный, разумный*; *бoбapaкaт* – *beneficial* – *избыточный*; *бaибo* – *clever* – *благоразумный*; *бaидулфикp* – *far-sighted* – *дальновидный*; *бaнyp* – *brilliant* – *блестящий, привлекательный*; *бaобpўй* – *authority* – *уважаемый*; *бaпoиқaдaм* – *bringing happiness* – *благословенный* [ФЗТ, 1969:208].

В таджикском языке суффикс *-гар* является непродуктивным. Но большинство слов лексики поверий и традиций образуются при помощи этого суффикса и являются архаизмами.

*Ҳaм тy мopӣ, ҳaм фyсунгap эӣ aқaб,
Mopгypy мopи, эӣ нaнги apaб.
Тy и змeя, и кoлдўн, o тpaшный,
Тy зaклинaтeль змeй, и тy змeя, o пoзop apaбoв [Руми].*

Суффиксы *-ак, -вор, -она* принимают участие в образовании существительных: *apўcak, apўcвop, apўcoнa* [ФЗТ, 1969:88].

Суффикс *-ӣ* используется для образования прилагательных от существительных, которые указывают на принадлежность к обозначаемому существительным, или же имеют свойство или качество, на которые указывает основа. Например, *apўcӣ* – *свадебный*; *oсмoнӣ* – *sky* – *небесный*.

*Mар зaбoнpo дoд cад aфcунгapӣ,
B-oн ки кoнpo дoд зapри чaвҳapӣ
Дaл oн кaждoмy язькy дap кoлдoвcтвa
Кoтopoe пpeдпoднecли кoпи зoлoтa [Руми].*

Суффикс *-гоҳ* является самостоятельным словом, он постепенно вошёл в группу морфем и в настоящее время встречается в структуре составных слов, обозначающих место:

*Он касе зад бар рухе, ки рӯи моҳ,
Саҷда орад, неши ӯ дар саҷдагоҳ.
Тот, кто плюнул на красивое лицо, подобное луне,
Потом приносит поклон ему с молитвенного ковра [Руми].*

Суффикс *-истон* обозначает место действия или объекта:

*Як муаззин дошт бас овози бад,
Дар миёни кофаристон бонг зад,
Ӯ синтеза карду бас бе эҳтироз,
Гуфт дар кофаристон бонги намоз.
Был муэдзин с противным голосом,
Среди безбожников провозгласил призыв.
Он упрямо шествовал и без желания
В стране безбожников произнёс призыв к молитве (азан) [Руми]*

В английском языке существуют следующие основные способы образования слов, выражающих лексику поверий и традиций:

- посредством суффиксов и префиксов;
- чередования ударения и чередования гласных или согласных;
- перехода слова из одной части речи в другую без изменения произношения и написания слов в их исходной, основной, форме;
- посредством сложения слов (или основ слов);
- сложные слова, образованные в результате сложения двух или более самостоятельных элементов языка (слов, словосочетаний, основ);
- смешанные образования (суффикс-приставка и составные слова); аббревиатуры или составные аббревиатуры;
- конверсионные производные и др.

В современном английском языке существует большое количество аффиксов, как родных, так и заимствованных. Аффиксация, в свою очередь, делится на три группы:

- префиксация;
- суффиксация;
- префиксно-суффиксальный метод.

Приставка относится к той части слова, которая ставится перед словообразовательной основой и изменяет ее значение, например: *self – confidence – худписандӣ, худдонамӣ, манманӣ – самонадеянность, self – sufficiency – истиқлол, истиқлолият, мустақилӣ, мустақил – независимость.*

Префиксация – присоединение приставок как к простым, так и к производным терминам. Например: *unbelief – нобоварӣ, безътикодӣ, безътимодӣ – неверие; unbeliever – бедин, бемазҳаб, беимон – неверующий; unbelievable – бо-*

варнокарданӣ, аз ақл берун, аз ҳақиқат дур – невероятный, неправдоподобный; undivisible – тақсимнашуда, ҷудонашуда – нераздельный;

Суффиксы стоят в конце слова и служат для образования производных слов. При образовании слова в лексике поверий и традиций приставка присоединяется к корневой морфеме производящей основы, которая является более значимой в фонетическом и семантическом плане, так что префиксы четко ограничены от этих основ [Каращук, 1977:22].

Самыми продуктивными аффиксами в английском языке для лексики поверий и традиций считаются префиксы *im-, in-, dis-, mis-, over-*; суффиксы существительных *-ist, -er, -or*; прилагательных: *-able, -ible, -less, -y, -ic, -ive*, суффикс наречия *-ly* и др.

Например, impurity – нечистота; imperfect – несовершенный; innocence – бегуноҳӣ, беайбӣ – безрешиность, невиновность, чистота; disbelief – нобоварӣ, безътиқодӣ, безътимодӣ – неверие, недоверие; disbeliever – бедин, бемазҳаб, беимо – неверующий; discretion – эҳтиёткорӣ, мулоҳизакорӣ, дурандеиш – осмотрительность; disgrace – шарм, ҳаё, изо, ҳиҷолат, беобрӯӣ, бадномӣ, расвоӣ, шармсорӣ, шармандағӣ, нанг – стыд, позор, бесчестье; disappear – ғойб шудан, аз байн (аз миён) рафтан, нест (несту нобуд) шуда рафтан – исчезать, пропадать, теряться [Каращук, 1965:22].

Префикс *dis-* выражает значение "не имеющий, лишенный признака качества или свойства, указанного основанием": *disbelieve* – недоверие (слово *believe* – доверие, происходит от Old English *belyfan, belēfan*, также *to lief, distrust* – сомнение; *dissension* – разногласие).

Наиболее продуктивным способом образования слов, выражающих лексику поверий и традиций в английском языке, являются суффиксы: *-ous, -ly, -ness, -ary, -tion, -self, -able, -less* и т.д.

Например: blasphemous – куфрона – богохульный; gracious – худодода, бобаракат – благодатный; callous – бечон, мурда – бездушный; earnestly – содиқона – искренне; undoubtedly – бешак, бебаҳс – бесспорно, несомненно; truly – ҳақиқатан – roughly – дурушит – грубо, небрежно; righteousness – норсоӣ, тақводорӣ, парҳезгорӣ – праведность, добродетельность; faithfulness – садодқат, вафодорӣ – верность, преданность; wickedness – қинояткорӣ, бадқирдорӣ, бадаъмолӣ – злодеяние, нечестность, греховность; itinerary – роҳи сафар – маршрут, путь; involuntary – гуноҳи тасодуфӣ – невольный грех; consecration – табарруқӣ – освящение; consolation – тасалло, дилбардорӣ – утешение; transgression – гуноҳ, рафтори ношоа – проступок, согриешение; seclusion – ғӯшанишинӣ, хилватнишинӣ – уединение, изоляция; ineffable – аз ҳад зиёд, бениҳоят – несказанный, невыразимый; honourable – наҷиб, олиҳиммат – благородный, великодушный; torment – азоб (озор, азият) додан – мучить [Hornby, 2005].

Суффиксы, как компоненты производного слова, связаны с его конечной частью, где кроме грамматических морфем присутствуют и другие словообразовательные элементы, как, например, наблюдается с суффиксом *-ation*: *-ion, -*

tion, -sion, conception, commission, confirmation, persuadability, persuadable, persuasible, trustable superstitious, superstitiousness.

Формируя, отвлеченные существительные от многочисленных глагольных основ, суффикс придает им значение действия, условия действия, процесса, выраженного основами, или значение состояния совершаемого, на которое указывает основа, то есть результат действия.

Английский суффикс *-ly* по происхождению является общегерманским. Первоначально этот суффикс использовался для производных прилагательных только от исконно английских слов, выражает значение «имеющий сходство, или характеризующийся тем, что присуще производящей основе». Например, *dearly, gladly, willingly* (Old English *lê of 'dear, pleasant'* и имеет германское происхождение: имеет значение *to leave* и *love, superstitiously* – *суеверно*; *earnestly* – *искренне*; *truly, sincerely* – *истинно*; *worldly* – *мирской*).

Конверсия тоже является продуктивным способом словообразования и широко применяется в английском и таджикском языках, однако с некоторыми ограничениями. Эти ограничения зависят от семантических особенностей производных слов.

N + V – существительное выражает понятие (название предмета), а глагол обозначает «осуществлять, делать то, что выражено существительным», или же глагол выражает какое-либо новое понятие: *exile* – *to exile* (изгнание – изгонять) – (*бадарга* – *бадарга кардан*), (*хориҷ* – *хориҷ кардан*), (*барҳам* – *барҳам додан*), (*тарк* – *тарк кардан*); *believe* – *to believe* (вера – верить) – (*эътиқод* – *эътиқод кардан*), (*бовар* – *бовар кардан*); *trust* – *to trust* (доверие – доверить) – (*эътимод* – *эътимод кардан*) и др.

Словообразовательная модель V + *er* является общей для целого ряда слов с одним и тем же значением. Например, *believer* – *диндор*, *мӯътақид верующий*; *diviner* – *зайбғӯй, пешакиғӯ* – *предсказатель*; *foreteller* – *зайбғӯй, пешакиғӯ* – *предсказатель*; *leper* – *махав, чузом* – *прокажённый*;

Развитие и обогащение языка, его лексики имеет глубокую связь с историей народа, его традициями, формировавшимися на протяжении многовекового развития человечества. В связи с этим традиции и обряды являются отражением этнической и национальной культуры таджикского и английского народов.

Роль определенных словообразовательных приемов и средств в создании новых слов в разных языках, конечно, не одинакова. Их роль в одном и том же языке в разные периоды его развития и по отношению к разным его лексико-стилистическим пластам также неодинакова.

В Заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные **выводы**.

На основе проведенного исследования выявлен значимый на сегодняшний день фрагмент языкового мира, связанный с обычаями, суевериями и поверьями, которые играют важную роль в жизни человека и являются еще одним подтверждением существования национально-культурного многообразия

разных языков. Именно здесь проявляется специфическое национальное представление о мире, закреплённое в языке.

Очень важно иметь представление о поверьях и традициях той или иной языковой культуры, так как их знание может помочь установить контакт между представителями этих культур.

Важно отметить, что, несмотря на то что все поверья и приметы объясняются по-разному, имеют разные значения и интерпретации, они все же социокультурно детерминированы. Нельзя отрицать их важности и информативности, так как они являются так называемым ключом к пониманию и успешному осуществлению межкультурной коммуникации, а также к изучению иностранного языка и знакомству с его культурой.

Народные поверья и приметы, являясь одним из древнейших жанров фольклора, отражают культуру, жизнь носителей языка, а также природу бытия человека.

Народные приметы — это неизменно формирующийся фольклорный жанр, показывающий особенности своего функционирования в речевом употреблении в качестве языковых средств выражения запрещения, позволения, предупреждения, наставления, совета и др.

Приметы могут быть охарактеризованы как интерпретации определенных ситуаций, составляют широкий пласт высказываний, разнообразных по семантике, и делятся на различные группы.

Проведенный нами сопоставительный анализ таджикских и английских поверий и традиций показал, что исследуемый материал представляет собой определенную микросистему и что лишь небольшое количество поверий и традиций в сопоставляемых языках полностью совпадает в семантической структуре и лексическом наполнении. Это обстоятельство говорит нам о совпадении различных по характеру фрагментов окружающей действительности и в то же время находит соответствующее отражение в фундаментальных особенностях таджикских и английских культур.

Суеверия возникли из обрядов, ритуалов, гаданий, веры в сновидения, в то, что достаточно произнести ритуальное имя, чтобы иметь возможность ожидать исполнения просьбы потусторонними силами, расшифровать будущее и быть готовым к нему.

В народных поверьях и приметах может быть различное соотношение основных грамматических значений предсказания, их общности и сходства. Семантика предсказания, предвидения, предположения, прорицания является основной, базовой, в равной мере присущей всем типам примет. Эта семантика может быть внешней, явной, эксплицированной и внутренней, скрытой, имплицитной. Степень выраженности этой семантики в предметах быта существенно различается.

Несмотря на то, что таджикская культура значительно отличается от английской, а страны проходили разный исторический путь, многие приметы и поверья совпадают. В первую очередь, это приметы, общие во всем мире, та-

кие, как, например, счастливые и несчастливые числа, суеверия о зеркалах и погодных условиях, церемонии, посвященные общим праздникам, и некоторые приметы, связанные с животными.

Наш основной словарный запас, выработанный предками и являющийся древнейшим свидетельством самобытности в формировании родного языка, хранит в своем составе множество слов из языков других народов, с которыми нам приходилось иметь дело.

Лексика поверий и традиций в составе фразеологических единиц несет информацию об особенностях стран носителей языка и, таким образом, представляет собой источник знаний. Появление переносных значений в словах, выражающих понятия «поверья и традиции», становится возможным благодаря специфическим, часто ярко выраженным, свойствам отдельных объектов. Они обладают большим потенциалом для образования фразеологических единиц и характеризуются высокой частотой употребления.

Таджикские фразеологические единицы характеризуются выражением крайней степени признака, который носит гиперболический характер, что свидетельствует о высоком стилистическом потенциале таких фразеологических единиц. Анализируя фразеологизмы таджикского языка, можно выявить огромное количество фразеологических единиц, компонентами которых являются поверья и традиции. В процессе исследования можно прийти к выводу, что фразеологические выражения устойчивы в своём составе несмотря на то, что состоят целиком из слов со свободными значениями.

Словосложение играет важную роль в формировании лексики поверий и традиций в таджикском и английском языках. В таджикском языке большинство слов образовалось путем заимствования и морфологического способа словообразования (с использованием аффиксов). Поэтому небольшое количество слов было создано в результате соединения некоторых частей речи.

В таджикском языке самым продуктивным способом образования лексики, выражающей верования, обычаи, приметы и суеверия, является морфологический способ, словосложение.

Анализируемый нами материал английского языка показывает, что в его структуре основная часть слов этой области образована с помощью аффиксации и изафетных словосочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алиев, А.М. Язгулямская фразеология: Структурная и семантическая характеристика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08/ Алиев Абдулкадир Муродович. – Душанбе, 1999. – 207 с.
2. Алиев, Б.П. Ягнобская этнографическая лексика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08/ Алиев Бахриддин Пирович. – Душанбе, 1998. – 210 с.
3. Андреев, М. С. Таджики долины Хуф / М.С. Андреев / под ред. Э. Кочумкуловой. – Вып. I-II. ОсОО «Джем Кей Джи», – Бишкек: 2020. – 794 с.

4. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (На материале фразеол. единиц, семантически ориентир. на человека в англ. и рус. яз.) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 123 с.
5. Афанасьев, А. Н. Народ - художник: Миф. Фольклор. Литература / А.Н. Афанасьев. – М.: Советская Россия, 1986. – 368 с.
6. Брагинский, И.С. Из истории таджикской народной поэзии / И.С. Брагинский. – М., 1956. – 496 с.
7. Гафуров, А. Рассказы об именах / А. Гафуров – Душанбе: Ирфон, 1968. – 137 с.
8. Гафуров, А. Таджикская антропонимия /А. Гафуров // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М.: Наука, 1970. – С. 278-283.
9. Герд, А.С Введение в этнолингвистику / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2001. – 488 с.
10. Джураев, М.С. Развитие мукомольного и маслодельного производства северных районов Таджикистана в конце XIX- начале XX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 07.00.02/ Джураев Муроджон Сангинбоевич. – Душанбе, 2016. – 255 с.
11. Дубровин, М. И. Английские пословицы и поговорки в иллюстрациях / М.И. Дубровин. – М.: Просвещение, 1993. – 330 с.
12. Карашук, П.М. Аффиксальное словообразование в английском языке / П. М. Карашук. – М.: Высшая школа, 1965. – 176 с.
13. Карашук, П. М. Словообразование английского языка / П.М. Карашук. – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с.
14. Касимов, О. Х. Лексика «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси: дис... д-ра филол. наук: 10.02.22 / Касимов Олимджон Хабибович – Душанбе, 2011. – 339 с.
15. Кисляков, Н. А. Семья и брак у таджиков: По материалам конца XIX - начала XX в. / Н. А.Кисляков – М. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 269 с.
16. Крачковский, И.Ю. Коран. – М.: Изд-во «Раритет», 1990. – 528 с.
17. Крэмер, А. Биби Сешанбе (ош-и Биби Сешанбе) / А.Крэмер // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. - Вып. 4. – М., 2003. – 160 с.
18. Крэмер, А. Мушкул кушад / А. Крэмер // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 4. – М., 2003. – 160 с.
19. Лобачева, Н.П. К истории сложения института свадебной обрядности (на примере комплексов свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана) / Н.П. Лобачёва – М.: Наука, 1978. – С. 144-175.
20. Мирзоев, Х. Х. Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках.: автореф... дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.20 / Мирзоев Хабибулло Холович. – Душанбе, 2014. – 52 с.

21. Муродов, О. Джин в традиционных народных представлениях / О.Муродов // История и этнография народов Средней Азии: сб. (Памяти Н.Н. Ершова) статей; отв. ред. А.К. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1981. – С. 141-150.
22. Назарова, З. О. Этнолингвистический анализ лексики, связанной со свадебным обрядом (на материале памирских языков) / З.О. Назарова // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4, -№6. С. 471-486.
23. Насруddинов, С.М. Сопоставительный анализ антропонимов таджикского и английского языков / С.М. Насруddинов. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 175 с.
24. Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата / Е. В. Перехвальская. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 337 с.
25. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня: в 4 т. – М., 1958. – 325 с.
26. Рахимов, И. Язгулямская этнографическая лексика в историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22/ И. Рахимов – Душанбе, 1992. – 202 с.
27. Рахимов, Р. Р. Коран и розовое пламя (Размышления о таджикской культуре) / Р.Р. Рахимов. – СПб.: Изд-во «Наука», 2007. – 388 с.
28. Рахмонова, Н.Б. Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских языках (на материале прецедентных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Рахмонова Нушофарин Бадалбековна – Душанбе. 2019. – 167 с.
29. Сепир, Э. Язык: Введение в изучение речи / Э. Сепир. – М.; Л., 1934. – 223 с.
30. Сухарева, О.Л. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан / О.Л. Сухарева // Сборник научного кружка восточного факультета Среднеазиатского государственного университета. – Ташкент, 1920. – Вып. I. – 82 с.
31. Юсуфбекова, З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX– начало XX века). / Юсуфбекова, З. М.: ИЭА РАН, 2015. – 222 с.

На английском языке:

32. Collins, V.H. A book of English proverbs / V.H. Collins. - London, 1960. – 526 p.
33. Hornby A. S. Oxford Advanced Learners Dictionary - 7th edition Cambridge International Dictionary of Englishe электронные ресурсы: «Мультиплекс 2.0 (Русско-англо-русский), 2005.
34. Voinich, Lilian. The Gadfly / Lilian. Voinich., 1972. – 125 p.

Словари и справочная литература

35. Дехотй, А.П., Ершов, Н.Н. Русско-таджикский словарь / А. П. Дехоти и Н.Н. Ершов. – М., 1949. – 880 с.
36. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: 1984. – 944 с.
37. Мамадназаров, А. Фарханги англисий-тоҷикий / А. Мамадназаров. – Душанбе: “Эр-граф”, 2011. – 1015 с.
38. Рахими, М.В., Успенская Л.В. Таджикско-русский словарь / М.В.Рахими, Л.В. Успенская. – М., 1954. – 789с.

39. Саймиддинов, Д., Холматова С.Д., Каримов С. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Д.Саймиддинов, С.Д.Холматова, С. Каримов. – Душанбе: Пайванд, 2006. – 789 с.
40. Саймиддинов, Д. Форсии бостон (овошиносӣ, грамматика, овонавишт, катибаҳои меҳӣ ва воҷанома) [Древнеперсидский язык (фонетика, грамматика, транскрипция, клинописи и словарь)] / Д.Саймиддинов. – Душанбе: Ношир; «Пайванд», 2007. – 190 с.
41. Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка) / под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Масумӣ. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. Т. I. – 951 с.; // Т. II. – 947 с.

Источники

42. Большая Пасхальная книга. Пасхальные рассказы: Сборник. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 320 с.
43. Калонтаров, Я.И. Мудрость трех народов – Панду хикмати се халк – Уч халкнинг ҳикматлари: Сборник / Я.И. Калонтаров; отв. ред. Б. Тилавов – Душанбе: Адиб, 1989. – 432 с.
44. Описание Рочестерского собора [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.palomniki.su/countries/uk / g18/rochester/rochester -sobor.htm> (дата обращения: 07.09.2018)
45. Таджикский чайный этикет [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.tea-terra.ru> (дата обращения: 11.14.2013)
46. Толкования священного писания [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://bible.optina.ru/new:otkr:20:01 #svt_andrej_kesarijskij. (дата обращения: 03.02. 2019)
47. Умар Хайям. Рубайт / Умар Хайям. – Душанбе: Образование и культура, 2010. – 242 с.
48. Умари Хайём. Наврӯзнама / Умари Хайём. – Душанбе: Адиб, 2010. – 355 с.

**Основные положения диссертации и полученные результаты
отражены в следующих публикациях автора:**

Монографии:

1. Мухиддинова, Т.Х. Лексико-семантическая характеристика номинативных единиц поверий и традиций в таджикском и английском языках: монография / Т.Х.Мухиддинова. – Душанбе: РТСУ, 2021. – 144 с.
2. Мухиддинова, Т.Х. Лексика обрядов и традиций: этнолингвистический аспект (на материале таджикского и английского языков): монография / Т.Х.Мухиддинова. – Душанбе: ТНУ, 2022. – 194 с.

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

3. Мухиддинова, Т.Х. Объективация концепта "Superstition" лексемами - репрезентантами в английском языке / Т.Х. Мухиддинова // Известия Национальной Академии наук Республики Таджикистан. Отделение об-

- пественных наук. – Душанбе: Дониш, 2019 - № 4 (257) – С.191-194 (0,3 п.л.).
4. Мухиддинова, Т.Х. Сопоставительный анализ примет и суеверий в английском и таджикском языках / Т.Х. Мухиддинова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им. С. Айни, 2020 - № 6 (89) – С. 24-30 (0,4 п.л.).
 5. Мухиддинова, Т.Х. О становлении и развитии паремий в таджикском языке / Т.Х. Мухиддинова // Известия Национальной Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – Душанбе: Дониш, 2020 - №1 (257) – С.254-258 (0,3 п.л.).
 6. Мухиддинова, Т.Х. Национально - культурная специфика отражения лексики «поверья и традиции» в паремиях таджикского языка / Т.Х. Мухиддинова // Известия Национальной Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – Душанбе: Дониш, 2020 - №2 (259) – С.215-219 (0,3 п.л.).
 7. Мухиддинова, Т.Х. Таджикские и английские антропонимы с семантическими компонентами, отражающими лексику «поверья и традиции» / Т.Х. Мухиддинова // Известия Национальной Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – Душанбе: Дониш, 2020 - №3 (260) – С.201-205 (0,3 п.л.).
 8. Мухиддинова, Т.Х. Лексика празднования Нового года в таджикском и английском языках. / Т.Х. Мухиддинова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. - №4 (72). – С. 145 - 152 (0,4 п.л.).
 9. Мухиддинова, Т.Х. Реализация лексики «поверья и традиции» в английских фразеологических единицах / Т.Х. Мухиддинова // Известия Национальной Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – Душанбе: Дониш, 2020 - №4 (261) – С.218-221 (0,3 п.л.).
 10. Мухиддинова, Т.Х. Некоторые особенности образования лексики поверий в таджикском и английском языках. / Т.Х. Мухиддинова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2021. - №1. – С.92-97 (0,4 п.л.).
 11. Мухиддинова, Т.Х. Лексика погребальных и траурных обрядов в таджикском и английском языках / Т.Х. Мухиддинова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им. С. Айни, 2021 - № 1 (90) – С. 12-16 (0,3 п.л.).
 12. Мухиддинова, Т.Х. Словообразовательный анализ лексики традиции и обрядов в английском и таджикском языках. / Т.Х. Мухиддинова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2021. - №3. – С.130-136 (0,4 п.л.).
 13. Мухиддинова, Т.Х. Лексический анализ лексемы «belief - бовар» в английском языке (по данным словарей из British National Corpus) / Т.Х. Мухид-

- динова // Известия Национальной академии наук Таджикистана. Отделение общественных наук. – Душанбе: Дониш, 2021 - №4 (265) – С.185-189 (0,3 п.л.).
14. Мухиддинова, Т.Х. Лексика традиции чаепития в таджикском и английском языках /Т.Х. Мухиддинова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им. С. Айни, 2021 - № 2 (91) – С. 13-17 (0,3 п.л.).
 15. Мухиддинова, Т.Х. Некоторые особенности выражения примет и суеверий в английском и таджикском языках. / Т.Х. Мухиддинова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им. С. Айни, 2021 - № 3 (92) – С. 12-17 (0,4 п.л.).
 16. Мухиддинова, Т.Х. Классификация лексики поверий и традиций в мифологии таджикского языка. / Т.Х. Мухиддинова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им. С. Айни, 2021 - № 4 (93) – С. 16-23 (0,4 п.л.).
 17. Мухиддинова, Т.Х. Фразеологические единицы, выражающие лексику поверий и традиций в таджикском языке / Т.Х. Мухиддинова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им. С. Айни, 2021 - № 5 (94) – С. 52-58 (0,4 п.л.).
 18. Мухиддинова, Т.Х. О поверьях и традициях в таджикской и английской языковой картинах мира / Т.Х. Мухиддинова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2021. - №5. – С.145-151 (0,5 п.л.).
 19. Мухиддинова, Т.Х. Лексика празднования «Мехргон», «Halloween», «Сада» и «Carnival» в таджикском и английском языках / Т.Х. Мухиддинова // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Издательский центр ТПУ им. С. Айни, 2021 - № 6 (95) – С. 22-27 (0,4 п.л.).
 20. Мухиддинова, Т.Х. Лексический анализ леммы «бовар – belief – вера» в таджикском языке. / Т.Х. Мухиддинова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ, 2021. - №6. – С.139-145 (0,5 п.л.).
 21. Мухиддинова, Т.Х. Этнолингвистические особенности лексики «Навруз» в таджикском языке / Т.Х. Мухиддинова // Известия Национальной академии наук Таджикистана. Серия филологических наук. – Душанбе: Дониш, 2022 - №2 – С.173-175 (0,4 п.л.).

статьи в других изданиях:

22. Мухиддинова, Т.Х. Этнолингвистический анализ поверий и выдумок на материале таджикского и английского языков / Т.Х. Мухиддинова // Научный поиск в современном мире: Сборник материалов 16-ой международной науч.-практ. конф., Махачкала, 2017. С. 39-44 УДК: 001 ББК 72 х 43; ISSN 978-5-9500781-7-0

23. Мухиддинова, Т.Х. Этнолингвистический анализ лексики поверий и традиций в английском и таджикском языках / Т.Х.Мухиддинова // Проблемы сопоставительного изучения и преподавания иностранных языков: Материалы Международной научно-теоретической конференции (Душанбе, 23-24 января 2015 года). – Душанбе, 2015. - С.25-29 (0,3 п.л.).
24. Мухиддинова, Т.Х. Паём (имову ишорахое, ки дар ҳолати пазируфтани истифода мешаванд) дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / Т.Х.Мухиддинова // Проблемы изучения сравнительной типологии языков (таджикский, английский, немецкий и французский): Материалы Международной научно-практической конференции (Душанбе, 12 мая 2015 года). – Душанбе, 2015. - С.49-56 (0,3 п.л.).
25. Мухиддинова, Т.Х. Вожаҳои хайрбодӣ дар расму одатҳои тоҷикон ва англисҳо дар забони тоҷикӣ ва англисӣ / Т.Х.Мухиддинова // Актуальные проблемы сравнительного языкознания в разносистемных языках (таджикский, английский, русский): Материалы научно-теоретической республиканской конференции (Душанбе, 27-28 февраля 2016 года). – Душанбе, 2016. - С.72-77 (0,3 п.л.).
26. Мухиддинова, Т.Х. Вожаҳои табрикот дар анъанаҳои миллии тоҷикон ва англисҳо / Т.Х.Мухиддинова // Актуальные проблемы терминологии в разносистемных языках: Материалы научно-практической конференции. – Душанбе, 2017. – С. 52-59 (0,4 п.л.).
27. Мухиддинова, Т.Х. Изҳори миннатдорӣ намудан дар урфу одатҳои тоҷикону англисҳо ва роҳҳои ифодаёбии он дар забони тоҷикӣ ва англисӣ / Т.Х.Мухиддинова // Актуальные проблемы сравнительного языкознания в таджикском и английском языках» Посвящённого «Году развития туризма и народных ремесел»: – Душанбе, 2018. – С. 49-58 (0,4 п.л.).
28. Мухиддинова, Т.Х. Ифодаҳои хоҳишу дархост намудан аз рӯи оини одатҳои тоҷикон ва англисҳо / Т.Х.Мухиддинова // Проблемы изучения иностранных языков в современном мире: Материалы научно-теоретической конференции (Душанбе, 25 мая 2019 года). – Душанбе, 2019. - С.44-51 (0,4 п.л.).
29. Мухиддинова, Т.Х. Шаклҳо ва роҳҳои ифодаёбии узрҳои ва маъзарат дар анъанаҳои миллии дар забони тоҷикӣ ва англисӣ / Т.Х.Мухиддинова // Саҳми занон дар рушди илм (Роль женщин в развитие науки): Материалы 6-ой научной конференции. – Душанбе, 2019. – С. 102-106 (0,3 п.л.).
30. Мухиддинова, Т.Х. Баёни ризоӣ ба ҳамсухбат аз рӯи одоби муошират дар муқоисаи забони тоҷикӣ ва англисӣ / Т.Х.Мухиддинова // К 5500-летию древнего Саразма, 700-летию выдающегося таджикского поэта Камоли Худжанди и 20-летию преподавания и развития естественных, точных наук и математики в области науки и образования (2020-2024): Материалы научно-теоретической конференции (Душанбе, 22 апреля 2020 года). – Душанбе, - 2020. С.88-98 (0,4 п.л.).

31. Мухиддинова, Т.Х Лексика представлений и легенды, связанные с различными животными, в таджикском и английском языках / Т.Х.Мухиддинова // Вестник Таджикского государственного института языков им. Сотима Улугзода. Серия филологических наук. – Душанбе: ТГИЯ, 2021. – № 1 (41). – С. 36-43 (0,4 п.л.).
32. Мухиддинова, Т.Х Некоторые теоретические и этнолингвистические особенности исследования лексики поверий и традиций / Т.Х.Мухиддинова // Вестник Таджикского государственного института языков им. Сотима Улугзода. Серия филологических наук. – Душанбе: ТГИЯ, 2021. – № 2 (42). – С. 41-48 (0,4 п.л.).
33. Мухиддинова, Т.Х Некоторые особенности лексики, выражающей мифологические образы, в таджикском языке / Т.Х.Мухиддинова // Вестник филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в городе Душанбе. Серия гуманитарных и экономических наук. – Душанбе: МГУ, 2021. – № 4 (20). – С. 98-107 (0,4 п.л.).

Подписано в печать __.07.2022. Формат 60х84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman TJ.
Усл. печ. л. 3,5. Тираж ____ экз. Заказ № ____.

ООО “ЭР-граф”.
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com